

УПУЩЕННЫЙ ШАНС ВРАНГЕЛЯ

ХХ военные
тайны
века

А.Б. ШИРОКОРАД

**Александр Борисович Широкопад
Упущенный шанс Врангеля.
Крым-Бизерта-Галлиполи
Серия «Военные тайны XX века»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=438675
Упущенный шанс Врангеля. Крым-Бизерта-Галлиполи: Вече; М.: 2009
ISBN 978-5-4444-8130-1*

Аннотация

«Сломаюсь – но не согнусь» – начертано на фамильном гербе рода Врангелей, и этот девиз определял весь жизненный путь генерала П.Н. Врангеля. «Идея жертвенного служения, идея национальной и личной чести, идея стояния за священные истоки русской государственности вела Врангеля по пути его доблестного служения», – писал один из его биографов. И все-таки, кто был он, Петр Николаевич Врангель, – «кровавый черный барон» или последний рыцарь Белого движения? Какова его роль в Гражданской войне? Что происходило внутри Белого движения в армейских штабах, экономике, финансах? Могли ли реформы Петра Врангеля в Крыму стать образцом для всей России? И, наконец, была ли альтернатива «великому исходу»?

Об этом и многом другом говорится в книге историка Александра Широкопада.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	33
Глава 4	37
Глава 5	46
Глава 6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Широкоград

Упущенный шанс Врангеля. Крым-Бизерта-Галлиполи

Глава 1

Пролог российской драмы

16 декабря 1916 г. полковника Врангеля назначили командиром 2й бригады Уссурийской конной дивизии. Назначение было отмечено веселой офицерской пирушкой. Настроение у Петра Николаевича было весьма оптимистическое. Карьера складывалась удачно. Уссурийская дивизия воевала на Румынском фронте на чужой территории и сравнительно малой кровью.

Где-то на Западном фронте 31-летний полковник Яков Слащев командовал лейб-гвардейским Московским полком. Там же служил унтер-офицер Семен Буденный. В Петрограде на частном заводе Ургайло работал мастером Клим Ворошилов.

В Минске в Комитете западного фронта Всероссийского земского союза служил статистиком Михаил Александрович Михайлов. Однако местная полиция получила сообщение из Петрограда, что под этим именем скрывается беглый каторжник Михаил Фрунзе.

В Туруханском крае в селе Курейка отбывал срок ссыльный Иосиф Джугашвили. Недалеко сидели Герш Аронович Радомысльский и Лев Борухович Розенфельд. Тесть последнего – Лев Давыдович Бронштейн – обретался на другом конце света, где собирал в партийную кассу деньги еврейских миллионеров. Из советских учебников истории мы позже узнали, что первые два были «политическими проститутками» Зиновьевым и Каменевым, а третий – «иудушкой» Троцким.

А где же автор столь едких характеристик? Он гуляет по набережным Женевского озера в сопровождении двух партайгеноссе. Первый партайгеноссе обладал незаурядным умом и обаятельной внешностью, а второй был превосходным секретарем, законной женой, а главное, вел финансовую отчетность партии.

О чем же думал руководитель большевиков? О революции в России? О начале гражданской войны?

Да, где-то в 1914—1915 гг. он говорил о необходимости превращения империалистической войны в гражданскую. Но, увы, все эти рассуждения остались ничем не подкрепленными лозунгами, а, говоря по-русски, пустой болтовней. Возьмем собрание сочинений Ленина и посмотрим перечень его статей за ноябрь 1916 г. – февраль 1917 г. Они все посвящены деятельности эмиграции и зарубежных социалистических партий. Нет не только статей о революции в России, но и даже о самой России.

Есть сведения, что Владимир Ильич к декабрю 1916 г. утратил в значительной степени свой оптимизм и даже утверждал, что его поколению революционеров не суждено увидеть революцию в России.

Такого же мнения придерживалась и царственная чета. 31 октября 1916 г. царица Александра Федоровна писала из Царского Села мужу в Ставку: «...я всецело полагаюсь на нашего Друга, который *думает исключительно о тебе*, о Бэби и о России; благодаря его руководству, мы перенесем эти тяжелые времена».¹

¹ Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М.: Алгоритм, 2005. С. 645.

Супруги уже строили планы на послевоенное время. Увы, они сводились к двум пунктам. Во-первых, репрессии против всех врагов престола и «нашего Друга»: «По окончании войны тебе надо будет произвести *расправу*»². Во-вторых, демобилизованных солдат отправить добровольно-принудительно на строительство железных дорог: «Таким образом, найдется работа для наших *запасных*, когда они вернутся с войны, и это задержит их возвращение в свои деревни, где скоро начнется недовольство – надо предупредить истории и волнения, заранее придумав им занятие, а за деньги они будут рады работать»³.

На большее у наших сопративителей умишка не хватило.

А между тем по городам Европы уже маршировали ударные части, готовившиеся к... гражданской войне в России. В Германии были сформированы части финских егерей. Замечу, что 95 % офицеров и генералов «независимой Финляндии» (1920—1940х г.) начали свою карьеру именно в этих частях. В Австро-Венгрии были многочисленные части «сичевых стрелцов» и другие формирования из западноукраинских националистов.

Ну ладно, Германия и Австрия – противники России в войне. Но, увы, и в союзной Франции создаются Польские легионы. Представим на секунду, какой вой поднялся бы в Париже, если бы Николай II начал формирование в России частей из корсиканских националистов!

Но, может быть, этим частям соответствующие правительства готовили роль «пушечного мяса»? Нет. Все эти части почти не использовались на фронте.

А может, националистические формирования предполагалось использовать для давления на Россию в ходе мирных переговоров? Тоже нет, поскольку такая акция вызвала бы обратный эффект – бурю негодования внутри России.

В Берлине, Вене, Париже и Лондоне были абсолютно уверены о неизбежности внутреннего переворота в России, падении монархии и начале гражданской войны. И вот для этой войны готовились финские егеря, сечевые стрелцы и польские легионы.

С начала 1990х годов наши интеллигенты-образованцы подняли плач по «России, которую мы потеряли». Ах, была процветающая экономика, огромный рост рождаемости, страна управлялась мудрым святым царем. Образованцы заходят еще дальше сусальных романовских сказочек образца 1913 года.

Увы, все было далеко не так. Популярно Россию при Николае II можно представить как пышущую здоровьем молодую бабенку в модной парижской шляпке и блузке, но без юбки и порток. Ну, к примеру, Обуховский сталелитейный (ОСЗ) завод в Петербурге был одним из самых мощных в Европе. Когда в 1912 г. там ввели в строй сверхмощный пресс, в Ревельской обсерватории зафиксировали землетрясение средней силы в районе Петербурга. В 1916 г. на ОСЗ приступили к производству 16дюймовых (406мм) пушек для проектируемых линкоров. Пушки эти являлись самыми мощными в мире. Но пушки сами по себе – лишь гора металлолома. А вот прицелы и системы управления стрельбой для них, муфты Дженни (то есть приборы плавной наводки орудий), шары для погонов, на которых поворачивалась орудийная башня, и т. п. приходилось заказывать за границей.

Одной из важнейших реформ Александра II историки по праву называют судебную реформу. В результате Россия получила суд присяжных, независимую от властей адвокатуру, несменяемость судей и т. п., что вывело правосудие России на уровень передовых стран Западной Европы.

Но поскольку ни Александр III, ни Николай II не желали признавать законы, даже ими самими изданные, законность в России соседствовала с дичайшим азиатским произволом.

² Там же. С. 373.

³ Там же. С. 471.

Начнем с того, что все политические дела расследовались не судебными следователями, а жандармами. Какое дело считать политическим, а какое – уголовным, решали власти, а не суд. Политические процессы проходили при закрытых дверях, в строжайшей тайне, зачастую в отсутствии обвиняемых. С 1878 г. многие политические дела стали передаваться военными судами. Причем в 1887 г. был издан еще особый циркуляр, где военным судам прямо запрещалось применять другие меры наказания, кроме смертной казни, а если они находили основания для смягчения приговора, то это могло достигаться лишь ходатайствами и о смягчении приговора при конфирмации. Известен случай, когда был в 24 часа повешен студент за хранение нескольких революционных прокламаций. Сам студент не был революционером. Он просто отказался доносить, кто дал ему прокламации. Нельзя сказать о массовости таких случаев. Но зато для жандармов стало нормой грозить виселицей людям за чтение нежелательной литературы. Бывали случаи, когда жандармы грозили несовершеннолетним барышням – или скажите, кто дал книжку, или вас немедленно повесят.

Чтобы не возвращаться более к военным судам, скажу, что в 1905—1907 гг. стали функционировать военно-полевые суды, действовавшие без всяких формальностей. Функции судей исполняли обычно армейские или гвардейские офицеры, в большинстве своем абсолютно незнакомые с законами империи. Например, обыскал патруль прохожего, нашли в кармане браунинг. Ношение оружия не запрещалось законами империи, но поручик или прапорщик решает отпустить прохожего или расстрелять на месте. Часто выполнение приговора военно-полевых судов сопровождалось глумлением над осужденными или их телами. Модно было по свежим могилам пустить солдат церемониальным маршем под звуки «камаринской». В 1905—1907 гг. без суда или по приговорам военно-полевых судов было казнено по разным данным от 8 до 15 тысяч человек.

В 1914—1916 гг. жертвами военно-полевых судов стали десятки тысяч русских солдат, местных жителей и беженцев. Особенно беспощадно расправлялись с инородцами.

Кроме военного в России еще существовал и церковный суд. Мы говорим «суд» чисто формально. На самом же деле это была такая же форма внесудебной расправы, как суд «особого присутствия сената», или военный суд. Судьбу подсудимого решала церковная иерархия или святейшие власти. Естественно, никакой гласности, никаких адвокатов. Мало того, не устанавливался даже срок заключения. В XIX веке в России существовало значительное число монастырских тюрем (в Соловецком, Валаамском, Спасо-Евфимьевском (Суздальском) и других монастырях). Содержание заключенных монастырских тюрем не регламентировалось никакими законами. Зачастую люди пожизненно сидели в каменных мешках-одиночках, из которых их не выпускали даже на прогулки.

Попасть в монастырскую тюрьму можно было буквально за что угодно. Дьякон Николай Добролюбов был заключен в Спасо-Евфимьевский монастырь в 1877 г. за «крайнюю нетрезвость и буйство» и был выпущен оттуда в 1904 г. В тюрьме он писал стихи. Законами империи за пьянство и буйство положен был арест на несколько суток, а Добролюбов отсидел 27 лет, да и то вышел благодаря революции.

Крепостной графа Головина за самооскопление и за оскопление своего господина (по его же приказу) провел 62 года (!) в одиночной камере Соловецкого монастыря, где и умер в 1880 г.

В 1877 г. Особое присутствие сената приговорило двух несовершеннолетних подростков Якова Потапова и Матвея Григорьева к заключению в монастырь за участие в демонстрации в Петербурге на Казанской площади, организованной Плехановым. Яков Потапов был первым, кто публично вышел на улицу с красным знаменем, за что и оказался в одиночной камере Соловецкой тюрьмы.

В январе 1895 г. в Спасо-Евфимьевский монастырь был заключен купец Василий Рахов. «Преступник» на свои средства открыл в Архангельске ночлежный дом, детский

приют на 40 человек, мастерскую для заработка нуждающимся и в голодные 1892—1893 гг. две столовые, более чем на сто человек каждая. В столовых он читал вслух Евангелие, жития святых и другие просмотренные цензурой книги. Он сопровождал чтение разъяснениями. Местное духовенство увидело в Рахове конкурента. Рахов был предан суду по обвинению в распространении штундизма, но был оправдан.

Несмотря на оправдание Рахова судом, местный архиерей, обвиняя Рахова в штундизме, просил Синод сослать его в Спасо-Евфимьевский монастырь. Выбор этого монастыря вместо ближайшей тюрьмы в Соловецком монастыре мотивировался опасением влияния Рахова на окрестное население, которое знало его. Синод удовлетворил ходатайство, и Николай II утвердил это решение. На свободу тяжелобольной Рахов вышел в 1902 г.

Таким образом, суд присяжных в России рассматривал только те дела, которые ему соизволяла передавать власть. Но и тут Александр III, и особенно Николай II любили влезать даже в чисто уголовные дела подведомственного суда присяжных. Вот, например, офицер соблазнил молодую девушку. Через некоторое время она попросила или жениться на ней, или оставить ее в покое. Как видим, довольно скромное пожелание. Офицер, не раздумывая, застрелил девушку. Суд присяжных приговорил его к каторжным работам, а царь решил, что за такие шалости достаточно и разжаловать в солдаты.

В 1907 г. в модном ресторане Санкт-Петербурга гвардейский офицер поднял тост за царя. Поблизости спал пьяный студент. Офицер увидел, что кто-то не встал, и разрядил наган в голову спящего. На беду офицера студент оказался не революционером, а племянником важного сановника. Но и тут Николай II повелел оставить дело без последствий.

Страшным бедствием для России конца XIX – начала XX века были административные высылки. Конечно, ссылку даже в места столь отдаленные не сравнить с пребыванием на Сахалинской каторге или в тюрьме Спасо-Евфимьевского монастыря. Зато административная ссылка происходила очень легко, буквально росчерком пера, а у ссылаемого не было никакой возможности защититься или просить обжаловать приговор, а точнее, распоряжение.

Административные высылки, за редким исключением, применялись не к революционерам или уголовным преступникам, а в лучшем случае – к людям подозреваемым или инакомыслящим. Но и эта категория лиц составляла ничтожный процент высылаемых. Большинство же их составляли люди, чем-то неугодные или неудобные властям. Николаю II административные высылки очень импонировали. По его приказам в ссылку без объяснения причин и установления срока ссылки неоднократно отправлялись даже великие князья.

Вот характерный пример. В начале 1911 г. в Государственном совете обсуждался закон о введении земства в западных губерниях, внесенный премьером Столыпиным. Член Госсовета видный сановник В.Ф. Трепов специально добился аудиенции у Николая II с целью узнать, последует ли его приказ голосовать «за». Царь ответил, что он в таком деле приказывать не может и что здесь следует «голосовать по совести». Трепов истолковал эти слова как знак недоверия Столыпину, и Госсовет 92 голосами против 68 провалил закон.

В ответ Столыпин начал шантажировать царя отставкой. И, в конце концов, царь 10 марта 1911 г. в присутствии Столыпина подписал указы о перерыве сессий Госсовета и Государственной думы, и приказал выслать из Петербурга членов Госсовета П.Н. Дурнова и В.Ф. Трепова.

Ну, полбеда, если бы правом административной высылки обладал бы один царь. Но такое право получили министры, губернаторы и даже чиновники меньшего ранга. Это было введено еще до Николая II, но Александра III все боялись и действовали более осмотрительно. Новый же царь смотрел сквозь пальцы на произвол своих слуг.

Вот, к примеру, в августе 1903 г. министр внутренних дел Плеве вызвал заведующего Особым отделом департамента полиции С.В. Зубатова и без объяснения причин приказал сдать дела и ехать в ссылку во Владимир под гласный надзор полиции.

Что же случилось? Крупнейший провал охраны? Ничуть не бывало. Просто Плеве получил донос, что министр финансов С.Ю. Витте вступил в сговор с князем В.П. Мещерским и Зубатовым с целью свержения Плеве и передачи его портфеля Витте. Кстати, донос оказался ложным, но Зубатов уже был во Владимире, а вернуться из ссылки в Москву ему разрешили только в 1910 г.

Губернаторы при Николае II распоясались дальше некуда. Замечу, что процент революционеров или просто инакомыслящих среди высланных был невелик. Можно было выслать купца, торговавшего не по цене, установленной губернатором. Говоря современным языком – пышно расцветал рэкет. Причем главными рэкетирами были губернаторы и их ближайшие чиновники.

Освистать актрису на сцене было модой среди офицеров. Помните: «Обшикать Федру Клеопатру, Моину вызвать (для того, чтоб только слышали его)». Обшикал поручик Клеопатру раз, два, а потом красotka отдалась «ответственному лицу», и поручика без объяснения причин отправляют в места не столь отдаленные. А могла ли актриса, скажем, не отдаться губернатору? Могла, но за такие штучки нижегородский губернатор Хвостов выслал весь театр из города. Это с одной стороны. А с другой – отдаваться надо было тоже с умом. Понравится молодому аристократу соблазненная им мещанка или купчиха, и предложит он сдуру ей руку и сердце. Тогда родственники аристократа сразу идут к губернатору. И на следующий день девица-красавица вместе с родителями отправляется в долгий путь.

Вятский губернатор Камышский издал постановление: «Виновные в печатании, хранении и распространении сочинения тенденциозного содержания подвергаются штрафу с заменой тюремным заключением до трех месяцев». Объяснений, кого из литераторов считать тенденциозными, не последовало. Таким образом, за решеткой можно было оказаться за хранение Толстого, Достоевского, Булгарина или Каткова. А попробуй докажи, что они не тенденциозны.

Симферопольский вице-губернатор Массальный развлекался ловлей гимназистов на улицах. Если ребенок зазевался и не углядел в пролетке его превосходительство и не отдал ему чести, то немедленно шел под арест в каталажку на несколько дней.

Не отставали от губернаторов и градоначальники. Так, на ялтинского градоначальника Думбадзе было совершено покушение. Террорист промахнулся, а затем сиганул через забор особняка какого-то купца и скрылся. Тогда градоначальник приказал расстрелять особняк из пушек. Владелец подал жалобу в Петербург, но царь был в восторге от действий Думбадзе.

Замечу, что онный градоначальник был очень озабочен и по сексуальной части. Так, он приказал полиции ловить на Южном берегу Крыма женщин, купавшихся нагишом. И началась высылка по этапу дам, которые плескались в море без купальников. Вообще-то говоря, в начале века один купальник в России приходился на несколько тысяч женщин. Да и сам Николай II купался голышом, даже документальные кадры сохранились. Чтобы не прослыть женоненавистником, Думбадзе ссылал и мужчин, которые хоть и были одеты, но преступно наблюдали за обнаженными купальщицами.

Но бдительный Думбадзе на этом не остановился. Он занялся дамами, которые хоть и имели купальные костюмы (они тогда закрывали большую часть тела), но слишком медленно шли к кабинкам для переодевания. Если какая-нибудь дама зазевается на подходящий к Ялте пароход или подойдет к лотку с пирожками – немедленный арест. Короче, шаг влево или вправо от дороги к купальной кабинке карался высылкой.

Подобные примеры можно приводить до бесконечности. Такую Россию нам хотят вернуть интеллигенты-образованцы? Граф Л.Н. Толстой сравнивал управление Россией Нико-

лаем II с правлением кокандского хана, а князь рюрикович П.В. Долгоруков назвал Романовых «татаро-немецкой» династией, немецкой по национальности, но татарской по методам управления.

Наши историки почему-то упустили тот факт, что националисты по всей Российской империи Николая II и его сатрапов объединяли с русским народом, а избавление от беспредела видели не в борьбе против самодержавия вместе с другими народами империи, а в отделении от России.

А была ли альтернатива самодержавию в России? Понятно, о большевиках речи нет – они построили СССР. А что бы нам дала рвавшаяся к власти либеральная буржуазия?

Начнем с того, кем сейчас из «российских промышленников» восторгается либеральная печать? Мамонтовыми, Рябушинскими, Морозовыми, Третьяковыми, Лянозовыми. Но все это – текстиль и другие товары широкого потребления. А вот ВПК империи на 90 % был казенным – заводы Военного, Морского и Горного ведомств.

Я несколько лет работал в Военно-историческом архиве, архиве ВМФ и др. и ни разу не видел, чтобы стоимость корабля или пушки у частного завода была бы ниже, чем у казенного. К примеру, если стоимость крейсера (корвета) на казенной русской верфи принять за 100 %, то стоимость постройки его аналога на частной верфи была бы 150 и более процентов. Зато на европейской или американской верфи – 70—90 %. Таким образом, отечественная частная тяжелая промышленность не могла конкурировать не только с иностранными фирмами, но даже с казенными заводами.

В годы Первой мировой войны стоимость снарядов, выпускаемых частными заводами, в 1,5—2 раза была выше, чем у казенных. Обратимся к монографии начальника Главного Артиллерийского управления (ГАУ) в 1914—1917 гг. генерал-лейтенанта А.А. Маниковского «Боевое снабжение русской армии в мировую войну» (Москва: Воениздат, 1937). На странице 144 приведены цены на боеприпасы в 1916 г.: 76мм шрапнель стоила на казенном заводе 9 руб. 83 коп., а на частном – 15 руб. 32 коп., то есть переплата составляла 64 процента. 76мм граната (в данном случае осколочно-фугасный снаряд) стоила 9 руб. 00 коп. и 12 руб. 13 коп. соответственно; 122мм граната – 30 руб. 00 коп. и 45 руб. 58 коп.; 152мм граната – 42 руб. и 70 руб. и т. д.

Об аферах наших промышленников можно написать несколько пухлых томов. Вот характерный пример. Наша армия к началу войны не имела орудий ближнего боя. Из патристических побуждений наши предприниматели начали производство всевозможных примитивных минометов и бомбометов, представлявших опасность исключительно для собственной прислуги. Все это охотно покупалось тыловыми чинами Военного министерства, а на фронте их отказывались даже принимать. По данным того же Маниковского, к июлю 1916 г. на тыловых складах скопилось 2866 минометов, от которых отказались войска. Надо ли говорить, что среди них не было ни одного изготовленного на казенных заводах.

Многие частные заводы – Путиловский в Петрограде, Мариупольский сталелитейный и другие существовали в основном за счет взяток сановникам. Так, Путиловский завод контролировался «хозяином русской артиллерии» великим князем Сергеем Михайловичем и его метрессой Матильдой Кшесинской. В 1907 г. в Государственную думу морскому министру Григоровичу был сделан депутатский запрос, почему заказ на броню строившихся линкоров был дан частному Мариупольскому заводу, а не Ижорскому заводу Морского ведомства, производившему более качественную броню по втрое (!) меньшей цене. Министр ответил, что заказ уже сделан и говорить тут нечего.

Александр II, не меняя в целом азиатского деспотического образа правления⁴, выделил буржуазии анклав для управления. Речь идет о самоуправлении городов и земствах. Ну и

⁴ Дело в том, что в государствах Европы под самодержавием понималась монархия, где государь по своей воле создавал

что? Показали ли нам земцы и городские думы прообраз «новой России»? Осчастливили ли они население? Да, в чем-то они улучшили ситуацию. А в целом – почитайте Чехова, Гиляровского, Горького и других дореволюционных авторов.

Любопытный пример. Московские городские власти стали допекать домовладельцев поборами и различными придирами. И вот домовладелец – отставной адмирал, вспомнил, что еще в XIX веке он с эскадрой был во Франции, и ему присвоили звание почетного гражданина. И он, хохмы ради, написал французскому послу, что, мол, обижают французского гражданина. Посол сделал запрос в МИД, после чего городские власти напрочь забыли о существовании старика адмирала.

Анекдот? Да. Но вот куда более серьезный вопрос, который мог закончиться гибелью тысяч русских солдат. Еще в 1879 г. русское правительство, посчитав огромные потери в ходе Балканского похода 1877—1878 гг., решило в случае следующей войны с Турцией высадить большой десант в Босфоре. Для этого строились броненосцы, специальная артиллерия для действия в Проливах, выдавались безвозмездные ссуды компаниям для строительства паровых судов, которые сейчас назвали бы кораблями двойного назначения (торговые и десантные).

А чтобы отправить в Босфор одновременно 150—200 тысяч человек, нужны хорошо оборудованные торговые порты. Ну а в мирное время, чем больше товарооборот, тем больше богатеет и расстраивается город у порта. И решил министр Александра II передать благоустройство торговых портов в ведение городских дум. А для этого ввели для купцов десятков сборов – якорный сбор, ластовый, «полукопеечный» (полкопейки с пуда груза на корабле) и другие сборы. Увы, 1890 г. все черноморские торговые порты оказались в ужаснейшем состоянии. Судовладельцы утверждали, что подобного они не видели ни в одном порту Европы.

В 1889 г. керченский градоначальник (царской властью) сделал запрос «демократически избранной» керченской городской думе о том, куда делись огромные средства от судовых сборов, поскольку в порту «ничего не делается». Думцы ответили, что они не обязаны отчитываться перед градоначальником. Тяжба перешла в Петербург в Сенат, который и постановил, что думцы правы.

Надо ли говорить, что эти средства разворовывали непосредственно члены «думы», или имело место «нецелевое использование».

Думцы российской глубинки не отставали от своих приморских коллег и свирепо грабили речные пароходные компании. Промышленники разорялись или шли на различные ухищрения, чтобы не платить за стоянки у «золотых причалов». На реках думцы занимались откровенным пиратством. Время замерзания Волги, Днепра, Северной Двины и других рек существенно зависит от изменений климата. Соответственно, судовладельцы вели навигацию «до последнего», пока пароходы и баржи не вмерзли в лед. Сами реки считались государственной собственностью, и плавание и стоянки в них были бесплатными. Однако во время ледохода зимовка на фарватере могла закончиться печально. Гораздо удобнее было зимовать в протоках и заводах. Цивилизованно зимовать у городских пристаней, как это делалось в советское время, было невозможно из-за грабительских поборов. Но и там на моряков нападали пираты, пардон, думцы из соседнего города: гони бабки! Промышленники жаловались в Петербург, тяжбы шли годами. Но на местах полиция, зависящая от думцев, обирала купцов до нитки.

В конце 1880х годов началось проектирование первого в России нефтепровода Баку – Батум. И тут же против него ополчилась «прогрессивная общественность» городов Поволжья. Придумать сказочки про экологию у них извилин не хватило. И посему либеральные

газеты открыто писали, мол, по Волге меньше наливных барж пройдет, упадут доходы думцев от речного рэкета.

Россия по тоннажу морского торгового флота существенно уступала всем крупным державам мира. Например, Англии в 40 (!) раз. Россия плелась где-то после Норвегии и Швеции. Кто виноват? Самодержавие? Так правительство ежегодно выделяло значительные суммы на строительство торговых судов и безвозмездно компенсировало убытки ряду судоходных компаний. Тот же «Добровольный флот» был построен на деньги всей страны. Патриоты России отдавали последние копейки на строительство пароходов «Доброфлота». А либеральные «демократически избранные думцы» грабили наш торговый флот. И так было во всех областях экономики России.

Либеральные думцы, земцы, разные там душки приват-доценты и присяжные поверенные на банкетах произносили смелые тосты за свободу и конституцию. Составляли «адреса» царю с прозрачными и не совсем прозрачными требованиями. Суть их – «дайте порулить».

К 1917 г. в России сложилась парадоксальная ситуация. Ни царь, ни либеральная оппозиция не знали, куда вести империю. Ни у Николая II, ни у кадетов не было никаких определенных планов в области внешней политики, военной стратегии, в земельном и национальном вопросах и т. д.

Царь, царица и Распутин лишь импульсивно реагировали на возникавшие внутренние и внешние проблемы.

И вот в Петрограде произошла Февральская революция. Нравится нам или нет, но она оказалась масонским переворотом, в результате которого к власти пришло масонское Временное правительство. А в свидетели призовем... Ленина. Да ведь он же ни разу не употреблял слово «масоны»! Ну и что. Так ведь и сами масоны своих соратников (подельщиков) масонами не называли, а выражались всегда как-нибудь иносказательно. Так вот что писал вождь: «Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, “разыграна” точно после десятка главных и второстепенных репетиций; “актеры” знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия»⁵. Замените слово «актеры» на «братья» – и все встанет на свои места.

По данным масона Н.Н. Берберовой⁶, в первый состав Временного правительства (март – апрель 1917 г.) вошло десять «братьев» и один «профан». «Профанами» масоны называли близких к ним людей, которые, однако, формально не входили в ложи. Таким «профаном» в первом составе Временного правительства оказался кадет П.Н. Милюков, назначенный министром иностранных дел.

Берберова пишет, что состав будущего правительства был представлен «Верховному Совету Народов России» уже в 1915 г. Берберова без лишней скромности приводит статистику: «Если из одиннадцати министров Временного правительства первого состава десять оказались масонами, братьями русских лож, то в последнем составе, “третьей коалиции” (так называемой Директории), в сентябре – октябре, когда ушел военный министр Верховский, масонами были все, кроме Карташова – те, которые высиживали ночь с 25 на 26 октября в Зимнем дворце и которых арестовали и посадили в крепость, и те, которые были “в бегах”».

Масоны сравнительно легко захватили власть в Петрограде, образовав Временное правительство, а на места губернаторов были направлены комиссары Временного правительства. Но, увы, у масонов не было никакой ни политической, ни военной, ни экономической более-менее удовлетворительной программы.

⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 31. С. 11–12.

⁶ Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков: Калейдоскоп; М.: Прогресс-Традиция, 1997.

Летом 1917 г. лишь отдельные армейские части и корабли сохранили относительную боеспособность и могли вести активные действия. Остальная же масса войск воевать не желала и практически не подчинялась командирам, как старым, так и назначенным Временным правительством.

Временное правительство не могло решить аграрный вопрос. Немедленно дать землю крестьянам? Министры-масоны боялись обидеть помещиков. Послать в деревню карательные отряды огнем и мечом навести порядок? Тоже нельзя – нет частей, способных выполнить этот приказ. Единственный выход – пообещать, что вот, мол, в конце года соберем Учредительное собрание, оно и решит вопрос о земле. Но сеять надо весной. А кто будет сеять, бороться и т. д., когда неизвестно, кому достанется урожай осенью?

В марте – июне 1917 г. только в Европейской России произошло 2944 крестьянских выступления. К осени 1917 г. в Тамбовской губернии были захвачены и разгромлены 105 помещичьих имений, в Орловской губернии – 30 и т. д. Размах крестьянских восстаний был больше, чем во времена Разина и Пугачева, но те выступления крестьян историки называют крестьянскими войнами, а в марте – октябре 1917 г. в России вроде бы гражданской войны и не было.

В принципе можно сказать, что Гражданскую войну, даже если бы не было националистов, устроил не Ленин, а Мария Владиславовна Захарченко, урожденная Лысова. Машенька Лысова окончила Смольный институт и была весьма утонченной интеллектуальной барышней. Но когда в начале лета 1917 г. мужики сожгли родительскую усадьбу, Машенька организовала отряд из помещичьих сынков и гимназистов, спалила несколько сел и лично расстреливала крестьян, уличенных в грабежах поместий. В Добрармии Машенька расстреливала пленных красноармейцев уже из «Максима», за что господа офицеры прозвали ее «бешеной Марией».

Причем таких «Машенек», «Петенек», «Вовочек» были тысячи, а о Машеньке мы знаем только потому, что мадам Захарченко (ее фамилия по восьмому мужу) стала одной из главных фигуранток в операции «Трест». Историк С.Г. Кара-Мурза назвал одну из главных причин Гражданской войны «социальный расизм влиятельнейшей части российской элиты».

Но, на мой взгляд, куда более важным фактором стал девятый вал сепаратизма, спровоцированный Февральской революцией. К октябрю 1917 г. под ружье было поставлено несколько сот тысяч военнослужащих «незаконных вооруженных формирований», созданных сепаратистами в Финляндии, Прибалтике, Украине, Бессарабии, Крыму (татары), на Кавказе и в Средней Азии. Эти формирования (армии) подчинялись исключительно властным гособразованиям сепаратистов.

Замечу, что отделяться от России желали не только самозванные лидеры «иногородцев», но и верхушка казачества на Кубани, «областники» (леволиберальная буржуазия) в Сибири и т. п. Поначалу они говорили лишь о федеративном устройстве России, а затем – и напрямую об отделении от центра, что советского, что белогвардейского.

Важно отметить, что сепаратисты всех мастей претендовали не только на земли, заселенные их народностями, но и на обширные регионы, где преобладали лица других национальностей. Так, поляки требовали возрождения Речи Посполитой «от можа до можа», то есть от Балтики до Черного моря. Финны претендовали на Кольский полуостров, Архангельскую и Вологодскую губернии, а также на всю Карелию. Территориальные претензии сепаратистов многократно перекрывались. Так, на Одессу претендовали поляки, украинцы и румыны. Понятно, что без большой гражданской войны решить эти территориальные споры было невозможно.

Предположим на секунду, что большевики в середине октября 1917 г. решили отказаться от захвата власти, а их руководители отправились бы обратно в Швейцарию, США, сибирскую ссылку и т. п. Неужели вожди сепаратистов отказались бы от своих планов и

распустили бы свои бандформирования? Неужели германское командование отказалось бы от удара по развалившейся русской армии и не пошло бы на сговор с прибалтийскими и украинскими националистами?

Весной – летом 1918 г. неминуемо произошло бы германское вторжение. Союзники также высадились бы на Севере и на Дальнем Востоке России. Вялотекущая гражданская война перешла бы в тотальную гражданскую войну, но без участия большевиков.

Возникает вопрос – сумело бы никого не представлявшее Временное правительство во главе с Керенским выиграть эту войну? Ответ однозначный – нет! А кто бы победил? И думать над этим не хочу, а интересующихся отсылаю к авторам многочисленных «фэн-тези», которые рассказывают нам, что было бы, если бы Гитлер захватил Англию, взял Москву и прочая, и прочая...

Так что именно Октябрьская революция и последовавшая диктатура большевиков спасли Россию от распада, который был еще в 1915 г. запланирован в министерских кабинетах Лондона и Парижа. Была ли большевистская диктатура кровавой? Да, была, но ее противники устроили бы еще более кровавую баню, если бы смогли. «Если о государе говорят, что он добр, его царствование не удалось», – это сказал не Ленин, а Бонапарт.

Глава 2

Приключения барона в войне и революции

Дворяне Врангели ведут свой род с XI века, но не имя, ни происхождение его основателя неизвестны. В Датской летописи XIII века упоминается деревня Уварангеле, а фамилия Врангелей впервые встречается в документах от 1277 г. Позже род Врангелей обосновался в Швеции. Во время Северной войны в армии короля Карла XII было 79 Врангелей, и 13 из них пали под Полтавой.

Один из сыновей Карла Густава в конце XVII века переселился в Россию и поступил на службу к Петру Великому. Так как одна из прабабок генерала Врангеля была дочерью генерал-аншефа Петра Ганнибалова, сына Абрама, то мы можем считать, что Врангели были в дальнем родстве с Пушкиным! В роду русских Врангелей были известные генералы и мореплаватели.

Отец нашего героя Николай Егорович Врангель прослужил несколько лет в лейб-гвардейском кавалергардском полку, а затем перешел на службу в Министерство внутренних дел. Тут следует заметить, что до 1917 г. служба в гвардии была необходимым этапом успешной карьеры, как военной, так и статской. Подавляющее большинство министров и ведущих сановников империи начинали службу именно в гвардии.

Н.Е. Врангель недолго прослужил в МВД, вышел в отставку и занялся предпринимательской деятельностью.

Мать нашего героя Мария Дмитриевна была дочерью морского офицера. В 1880—1890е годы семья жила в Ростове-на-Дону, где Н.Е. Врангель служил директором страхового общества «Эквитэбль» и входил в правление нескольких угледобывающих акционерных обществ, а также владел небольшим имением в Донской области.

В семье Врангелей родилось три сына. Петр был старшим. Средний, Николай, позже стал известным историком искусства, а младший, Всеволод, умер в детстве от дифтерита.

После окончания Ростовского реального училища Петр по желанию отца поступил в Санкт-Петербургский горный институт императрицы Екатерины II. Его отец надеялся, что, выучившись на горного инженера, старший сын поедет в Сибирь, где устроится в какое-нибудь из акционерных обществ по добыче золота. После поступления Петра в Горный институт вся семья переехала в столицу.

Петр Врангель окончил институт с золотой медалью и для обязательного по закону прохождения действительной военной службы в сентябре 1901 г. поступил вольноопределяющимся Iго разряда в лейб-гвардейский Конный полк, где служили многие из Врангелей. В октябре 1902 г. он выдержал испытание на корнета гвардии при Николаевском кавалерийском училище по Iму разряду, был произведен в офицеры (получил чин корнета гвардии) и зачислен в запас гвардейской кавалерии.

С октября 1902 г. по январь 1904 г. Петр Врангель служил чиновником для особых поручений при Иркутском генерал-губернаторе, однако в службе по Министерству внутренних дел быстро разочаровался (обстоятельства его службы и жизни в Иркутске неизвестны).

После начала Русско-японской войны он добровольно вступил в армию и в феврале 1904 г. был зачислен во 2й Верхне-удинский полк Забайкальского казачьего войска в чине хорунжего, а затем переведен во 2й Аргунский казачий полк, входивший в состав отряда генерала Ренненкамппа. В мае 1905 г. Петр Врангель был переведен во 2ю сотню Отдельного дивизиона разведчиков. Он участвовал в боевых действиях и был награжден орденом Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость» и орденом Святого Станислава III степени с мечами и бантом.

Петр твердо решил посвятить свою жизнь военной службе и поэтому стремился сравняться со своими сверстниками, выпускниками военных училищ, в чинах. Он старался получать отличия не орденами, а чинами, и своего добился. Уже в декабре 1904 г. Петра произвели в сотники, а в сентябре 1905 г. – в подьесаулы. Оба чина были получены досрочно, и теперь Врангель не только сравнялся со сверстниками в чинах, но и обошел многих в старшинстве.

Из Маньчжурии наш герой писал домой длинные письма, которые баронесса М.Д. Врангель, литературно обработав, отсылала в журнал «Исторический вестник», где они публиковались.

По окончании войны Врангель в январе 1906 г. был переведен в 55й драгунский Финляндский полк с переименованием в штабс-ротмистра и до августа, будучи прикомандированным к Северному отряду генерала Орлова, в его составе участвовал в подавлении крестьянских выступлений в Прибалтике. В мае 1906 г. за отличие в делах против неприятеля был награжден орденом Святой Анны III степени.

В августе 1906 г. Врангель добился прикомандирования к лейб-гвардейскому Конному полку. В марте 1907 г. на параде по случаю полкового праздника Николай II заметил его в конно-гвардейском строю (Петра выделяли награды, высокий рост и защитная, куда более скромная по сравнению с конногвардейской, драгунская форма). Узнав, что заинтересовавший его офицер из рода баронов Врангелей, император выразил желание, чтобы тот служил в лейб-гвардейском Конном полку, куда Врангель и был тотчас же переведен в чине поручика гвардии.

Это – официальная версия возвышения Петра Врангеля, принятая как в его семье, так и среди его современных апологетов. Версия вполне имеет право на существование, так как Николай II обожал награды и любил фрунт. Но в гвардии повышения часто происходили и по постельной линии. К этому времени Петр познакомился с двадцатичетырехлетней фрейлиной из двора вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Звали оную фрейлину Ольга Михайловна, она была дочерью влиятельного при дворе камергера Иваненко. Судя по всему, царю еще до парада намекнули о Врангеле, ну а высоченный рост и отличная выправка тоже сыграли свою роль.

В августе 1907 г. состоялась свадьба, и Ольга Михайловна Иваненко стала баронессой фон Врангель. В браке у Петра и Ольги Врангелей родилось четверо детей: Елена (1909 г.), Петр (1911 г.), Наталья (1914 г.) и Алексей (1922 г.).

Современные монархисты представляют брак барона сплошной идиллией. Но, судя по всему, Ольге Михайловне иной раз приходилось несладко. Так, даже С.В. Карпенко, весьма благожелательно относившийся к Врангелю, писал: «Среди однополчан он выделялся крайним честолюбием, решительностью, находчивостью и вспыльчивостью, обладая при этом обычной для конногвардейцев неумеренной склонностью к кутежам. За пристрастие к шампанскому “Piper-Heidsieck” он получил среди товарищей прозвище “Пайпер”».⁷

В 1907—1910 гг. Врангель учился в Николаевской академии Генерального штаба. Но командованию армейскими частями и особенно работе в штабах барон предпочел службу в лейб-гвардии. В мае 1912 г. он вернулся в Конный полк в качестве командира эскадрона. В августе следующего года барона произвели в ротмистры. Казалось бы, зачем учиться в академии Генштаба, чтобы стать командиром эскадрона? Нормальному человеку это покажется глупостью. Но, как ни странно, Петр Николаевич был абсолютно прав. В царской России заурядному ротмистру гвардии было гораздо проще сделать военную или статскую карьеру, чем талантливому, но не родовитому генерал-майору в отдаленном военном округе.

Но война спутала все карты. Недаром великий князь Константин Павлович любил повторять: «Война портит войска».

⁷ Карпенко С.В. Врангель Петр Николаевич. //Документы сайта http://www.nivestnik.ru/2001_1/16.shtml

В августе 1914 г. лейб-гвардейский конный полк в составе Гвардейской кавалерии перешел прусскую границу, и третий эскадрон барона Врангеля обходным маневром вынудил противника оставить город Пильканен. На следующее утро начался жестокий встречный бой. Кавалергарды князя Долгорукого, находясь в авангарде, приняли на себя всю тяжесть удара, и к концу дня положение их стало критическим.

Большой урон нашим войскам наносила прусская батарея, расположенная впереди деревни Каушен, на одном пригорке, слева от крестьянской мельницы. Тогда ротмистр Врангель вызвался захватить батарею конной атакой, на что и получает разрешение начальства. Посадив свой эскадрон на коней и весьма умело прикрываясь перелесками и лощинами, он незаметно приблизился к батарее на один километр и, рассыпавшись с первым полуэскадром, стремительно бросился на врага. Пруссаки открыли огонь по кавалерийской лаве, который пришелся по низу, и потерь в людском составе, кроме офицеров, почти что и не было. Прямым попаданием картечи была убита лошадь под Врангелем, и, чудом спасшийся, он пешком добежал до орудий, где шел рукопашный бой. Потеря батареи заставила немцев поспешно отойти, и наши эскадроны заняли деревню Каушен.

За Каушенское дело ротмистр Врангель был награжден Георгиевским крестом и получил должность начальника штаба сводно-кавалерийской дивизии. В декабре 1914 г. его назначили флигель-адъютантом и произвели в чин полковника, а за отличие в дальнейших боях он получил Георгиевское оружие.

Здесь я привожу официальную версию, благо, иных версий Каушенского боя нет. Был ли Врангель таким храбрецом, действительно ли его подчиненные кавалеристы считали, что «барон заморожен, и его немецкая пуля не берет»? Не знаю, но на ум приходит первый бой Николая Ростова, за что он, кстати, был награжден Георгиевским крестом. Ейбогу, стоит перечитать этот эпизод «Войны и мира».

Ольга Михайловна Врангель отправилась за мужем в действующую армию. Она записалась в сестры милосердия Георгиевской Петроградской общины и работала в военном госпитале в городе Вильно. В годы войны работа в госпиталях была модной среди титулованных особ империи. На медицинском поприще они себя не слишком утруждали, по несколько раз в год отправлялись в длительный отпуск и т. п. Кроме всего прочего, Ольга Михайловна оказалась близко к месту службы мужа, и барон имел возможность часто посещать жену.

Как мы уже знаем, конец 1916 г. полковник Врангель встретил на Румынском фронте. О том, что происходит с бароном в бурное революционное время, нам расскажет сам Врангель. Для этого есть две веские причины. Во-первых, барон был мало кому известной личностью и не участвовал активно в событиях 1917 г., так что иных свидетельств о его жизни у историков почти нет. Ну а во-вторых, нам крайне интересно формирование взглядов Врангеля в ходе «российской смуты». Хотя при этом мы должны все время помнить, что это не записки очевидца, а мемуары эмигранта, написанные через несколько лет после окончания Гражданской войны, и, соответственно, события рассматриваются с учетом позднейшего. Ну а от «остроумия на лестнице» не свободен почти ни один мемуарист.

«После кровопролитных боев лета и осени 1916 года, к зиме на большей части фронта операции затихли. Войска укрепляли с обеих сторон занятые ими рубежи, готовились к зимовке, налаживали тыл и пополняли убыль в людях, лошадях и материальной части за истекший боевой период...

Солдаты после 2х лет войны, в значительной массе, также были уже не те. Немногие оставшиеся в рядах старые солдаты, несмотря на все перенесенные тяготы и лишения, втянулись в условия боевой жизни; но остальная масса, те пополнения, которые беспрерывно вливались в войсковые части, несли с собой совсем иной дух. Состоя в значительной степени из запасных старших сроков, семейных, оторванных от своих хозяйств, успевших забыть пройденную ими когда-то школу, они неохотно шли на войну, мечтали о возвращении

домой и жаждали мира. В последних боях сплошь и рядом наблюдались случаи “самострелов”, пальцевые ранения с целью отправки в тыл стали особенно часты. Наиболее слабые по составу были третьеочередные дивизии.

Подготовка пополнений в тылу, обучение их в запасных частях стояли в общем весьма низко. Причин этому было много: неправильная постановка дела, теснота и необорудованность казарм, рассчитанных на значительно меньшее количество запасных кадров, а главное, отсутствие достаточного количества опытных и крепких духом офицеров и унтер-офицеров инструкторов. Последние набирались или из инвалидов, или из зеленой молодежи, которой самой надо было учиться военному делу. Особенно резко все эти недочеты сказывались в пехоте, где потери и убыль кадровых элементов были особенно велики.

Со всем этим армия все еще представляла собой грозную силу, дух ее был все еще силен, и дисциплина держалась крепко. Мне неизвестны случаи каких-либо беспорядков или массовых выступлений в самой армии, и для того, чтобы они стали возможными, должно было быть уничтожено само понятие о власти и дан наглядный пример сверху возможности нарушить связывающую офицеров и солдат присягу.

Двухлетняя война не могла не расшатать нравственные устои армии. Нравы огрубели; чувство законности было в значительной мере утеряно. Постоянные реквизиции – неизбежное следствие каждой войны – поколебали понятие о собственности. Все это создавало благоприятную почву для разжигания в массах низменных страстей, но, повторяю, необходимо было, чтобы искра, зажегшая пожар, была бы брошена извне.

В этом отношении много старались те многочисленные элементы, которыми за последние месяцы войны обростала армия, особенно в ближайшем тылу; “земгусары”, призывного возраста и отличного здоровья, но питающие непреодолимое отвращение к свисту пуль или разрыву снаряда, с благосклонного покровительства и помощью оппозиционной общественности, заполнили собой всякие комитеты, имевшие целью то устройство каких-то читален, то осушение окопов. Все эти господа, главным образом прапорщиков, писарей, фельдшеров и солдат технических войск из “интеллигенции”, облекались во всевозможные формы, украшали себя шпорами и кокардами и втихомолку обрабатывали низы армии...

Становилось все более и более ясным, что там, в Петербурге, неблагополучно. Беспрерывная смена министров, непрекращающиеся конфликты между правительством и Думой, все растущее количество петиций и обращений к Государю различных общественных организаций, требовавших общественного контроля, наконец, тревожные слухи о нравственном облике окружавших Государя лиц, – все это не могло не волновать тех, кому дороги были Россия и армия.

Одни из старших начальников, глубоко любя родину и армию, жестоко страдали при виде роковых ошибок Государя, видели ту опасность, которая нарастала и, искренне заблуждаясь, верили в возможность “дворцового переворота” и “бескровной революции”. Ярким сторонником такого взгляда являлся начальник Уссурийской конной дивизии генерал Крымов, в дивизии которого я в то время командовал 1 м Нерчинским казачьим полком. Выдающегося ума и сердца человек, один из самых талантливых офицеров генерального штаба, которых приходилось мне встречать на своем пути, он последующей смертью своей и предсмертными словами: “я умираю потому, что слишком люблю родину”, – доказал свой патриотизм. В неоднократных спорах со мною в длинные зимние вечера он доказывал мне, что так дальше продолжаться не может, что мы идем к гибели и что должны найтись люди, которые ныне же, не медля, устранили бы Государя “дворцовым переворотом”...

Другие начальники сознавали, что изменить положение вещей необходимо, но признавали вместе с тем, что всякий переворот, всякое насильственное выступление в то время, когда страна ведет кровавую борьбу с внешним врагом, не может иметь места, что такой переворот не пройдет безболезненно и что это будет началом развала армии и гибели России.

Наконец, среди старшего командного состава было не малое число и “приемлющих революцию” в чаянии найти в ней удовлетворение для своего честолюбия или свести счеты с тем или другим неугодным начальником. Я глубоко убежден, что ежели бы с первых часов смуты ставка и все командующие фронтами были бы тверды и единодушны, отрешившись от личных интересов, развал фронта, разложение армии и анархию в тылу можно было бы еще остановить».⁸

В этих коротких цитатах Врангель говорит очень о многом и одновременно о многом умышленно умалчивает. Начнем с того, что королевские династии в странах Западной Европы могли существовать без постоянных убийств монархов лишь за счет того, что сами монархи правили не произвольно, а по ими же самими установленным законам. В Западной Европе имелись силы, которые могли в какой-то мере контролировать действия монархов. Так, в Англии с XIII века действовал парламент, а во Франции – парламенты⁹, независимая или полунезависимая церковь, наконец, сильные феодалы, располагавшие большими материальными средствами и военной мощью.

Несколько иная ситуация сложилась в Риме во II—IV веках н. э. и позже в Византии. Там император был одновременно и главой церкви, и не имел систем сдерживания и противовесов. Примерно такая же картина наблюдалась в феодальных монархиях Востока IX—XIX веков. В таких странах большинство императоров, ханов, эмиров и султанов умирали не в своей постели. Убийство монарха являлось не чрезвычайным, а рутинным событием.

К сожалению, Россия XVIII—XIX веков принадлежала к государствам византийско-азиатского типа. Вспомним, что царица Софья, Петр I, Екатерина I, Анна Леопольдовна, Елизавета Петровна, Екатерина II и Александр I пришли к власти в ходе военных переворотов, совершенных стрельцами или гвардией.

В Европе шутили: «В России самодержавие, ограниченное удавкой». Как ни грустно, но это было правдой.

Приход к власти Николая I ознаменовался восстанием декабристов. Новый царь решил заняться «воспитанием» гвардии. 1825 год стал переломным годом в истории нашей гвардии, после чего началась ее полнейшая деградация. Пусть планы декабристов представляли собой утопию, но это были наиболее умные и талантливые люди страны.

Место декабристов заняли в основном карьеристы и недалекие люди. Важнейшей задачей царизма было воспитание в лейб-гвардейских офицерах буквально собачьей преданности монарху.

Начальство сделало все, чтобы круг интересов гвардейских офицеров был жестко очерчен – уставы, фрунт, лошади, спорт, балы, женщины (начиная с высокопоставленных дам и кончая проститутками), карты и вино.

Рассказывая о быте русской гвардии конца XIX века, романисту нет нужды напрягать фантазию. Все уже хорошо описано очевидцами. По словам биографа Николая II историка Грюнвальда, состоявшего в свое время в этой гвардии, разница между Преображенским полком и другими прославленными полками заключалась в том, что преображенцы были меньше известны своими попойками, а больше увлекались лошадьми и женщинами, слыли самыми отменными знатоками уставной службы и отличались безукоризненной выправкой на парадах.

А вот как описывал времяпровождение своих однополчан В.П. Обнинский: «Пили зачастую целыми днями, допивались к вечеру до галлюцинаций... Так, нередко великому

⁸ Врангель П.Н. Записки. Берлин, 1928.

⁹ Наши историки делают ошибку, считая Францию до конца XVIII века унитарным государством. Таковым его сделали Великая Французская революция и Наполеон. До 1789 г. это была «федерация провинций» под властью короля. В каждой провинции имелся свой парламент, свои законы, свои меры длины и веса, а в отдельных провинциях – Лотарингии, Гаскони, Бретони и др. – свой язык.

князю и разделявшим с ним компанию гусарам начинало казаться, что они уже не люди, а волки. Все раздевались тогда донага и убегали на улицу... Там садились они на задние ноги (передние заменялись руками), поднимали к небу свои пьяные головы и начинали громко выть. Старик буфетчик знал уже, что нужно делать. Он выносил на крыльцо большую лохань, наливал ее водкой или шампанским, и стоя устремлялась на четвереньках к тазу, лакала языком вино, визжала и кусалась».

Характерный пример гвардейца – граф Вронский из «Анны Карениной». Собственно, таким офицером и стал цесаревич Николай. Этот тип офицера идеален для несения охраны монарха. В бою из гвардейского офицера будет отличный командир роты или эскадрона.

В 1880—1900 гг. произошла настоящая революция в военном деле. Введены магазинная винтовка Мосина, унитарные патроны и противооткатные устройства в артиллерии; дымный порох заменяется бездымным; снаряды вместо черного пороха снаряжаются пироксилином; появляется автоматическое оружие от пистолетов до пулеметов и автоматических пушек. Все это проходило мимо гвардейских офицеров. Ну, прикажут изучить винтовку Мосина или 12 см гаубицу Круппа, изучат досконально, не прикажут – никто ими и не поинтересуется.

Можно ли представить себе семнадцатилетнего корнета или прапорщика гвардии, который не ходил бы на балы, в оперу, не волочился бы за дамами, не играл в карты, не пил, а сидел бы ночи напролет за трудами Руссо, кодексом Юстиниана, писал трактаты по баллистике и историю Корсики. Да такой и минуты бы не продержался в гвардии. Да, впрочем, и из армии его бы вытурили за того же Руссо.

Алексей Вронский как человек мне лично симпатичен, и, думаю, большинство современных дам от него в восторге. Но задумаемся на секунду о его дальнейшей карьере. После гибели Анны Толстой отправляет Вронского добровольцем на войну в Болгарию. После вступления в войну России в 1877 г. он немедленно вернется на царскую службу. Если Алексей не будет убит (вероятность чего не превышает 20 %), то уже в 1880х годах он станет полковником. В 1905 г. граф Вронский положит дивизию под Мукденом или Ляоляном, а в 1914 г. – корпус под Танненбергом.

А вдруг его покалечит на войне или болезнь заставит сменить военную службу на статскую? Вообразите, какой из него получится действительный статский советник или министр!

Увы, это не авторские предположения. У знатного гвардейца не было иного пути, разве что сопьется...

Неудачи в ходе боевых действий 1904—1905 гг., 1914—1915 гг., а также участие в карательных операциях 1905—1907 гг. непоправимо подорвали престиж не только гвардейских, но и армейских офицеров. Вот любопытная большая красивая книга «Краткая летопись бй конно-горной батареи 1807—1907 гг.» (Вильно, 1907). Там несколько глав с описанием войн, где участвовала сия батарея: 1812—1815 гг. – война с Наполеоном; 1831 г. – подавление польского восстания; 1849 г. – подавление венгерского восстания; 1905 г. – боевые действия в Таврической губернии. Батарея действовала повзводно: 1й взвод прошел с боями 1200 верст, 2й взвод – 1000 верст. 1й взвод выпустил столько-то снарядов, 2й взвод – столько-то.

А теперь риторический вопрос – как должно было вести себя малороссийское селянство спустя 13 лет, изловив парочку «золотопогонников»?

Уже через несколько часов после расстрела 9 января 1905 г. мирной демонстрации гвардейскими полками разъяренная толпа на Невском переворачивала сани с господами офицерами и начинала их нещадно бить.

В 1916 г. русские солдаты не знали, за что они воюют. В августе 1914 г. царь объявил, что Россия защищает братьев-славян, которых угнетают австрияки. Но 1 октября 1915 г.

братушки-болгары объявили войну... «кликке Распутина». Именно так было сказано в заявлении болгарского правительства.

В отличие от 1941 г. враг не угрожал русской земле. Шла нудная, но чрезвычайно кровавая позиционная война на окраинах империи с преобладанием нерусского населения, а также на территории Румынии и Турции.

Решающей силой в позиционной войне была тяжелая артиллерия. Но в России ее почти не было. На Западном фронте в 1916—1918 гг. союзники при наступлении на 1 км фронта сосредотачивали больше орудий большой и особой мощности, нежели было во всей царской армии.

Увы, только в 1916 г. до наших генералов дошла вся катастрофичность положения в стране. Царь в 1915 г. объявил себя главнокомандующим армией, хотя он 20 лет назад командовал батальоном и более никогда не занимался вопросами управления войсками и военной промышленностью. Совет министров остался в Петрограде. В итоге в нарушение всех законов Российской империи министры начали ездить с докладами и для получения «высочайших указаний» в Царское Село к императрице Александре Федоровне. Та информировала о делах своего мужа, а в основном внимала советам «нашего Друга». Империя фактически лишилась управления.

И вот в генеральских и офицерских кругах разговоры о том, как все плохо, переходят к традиционному русскому вопросу: «Что делать?», а затем: «С чего начать?» Начинаются разговоры о различных вариантах военного переворота.

За два месяца до Февральской революции генерал-лейтенант А.М. Крымов в частном отчете депутатам Думы о положении на фронте заявил: «Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте. Переворот неизбежен, и это на фронте чувствуют... Время терять нельзя...»

Одним из самых оригинальных способов было нападение на автомобиль императора с воздуха. Причем было два варианта: сбросить бомбу на автомобиль и спикировать методом «камикадзе». Авиационный вариант граничил с авантюрой, но о его пресечении царь начал готовиться еще в первые месяцы 1915 г. – ПВО Царского Села стала сильнейшей в России. Именно туда, а не на фронт отправляли первые автомобильные батареи 76мм зенитных пушек Лендера и 40мм зенитных автоматов Виккерса. Начальником сил ПВО («воздушной охраны») был назначен протеже Распутина полковник Мальцев. Конечно, эти батареи не смогли бы прикрыть наши войска на огромном фронте от Либавы до Дуная, но зато их боевое применение имело огромное значение как для конструкторов зенитных орудий, так и для разработки наставлений по зенитной стрельбе. Царское Село же было удалено на расстояние около 600 км от линии фронта. Ни в 1915 г., ни в 1916 г. у немцев не было самолетов, способных нанести удар даже по целям, удаленным на 300 км. Я уж не говорю, что кайзеру не было никакого резона бомбить царицу с Вырубовой и Распутиным.

Что же это? Очередной просчет генералов? Нет. Задранные в небо стволы Лендеров и Виккерсов всегда были готовы к встрече... своих самолетов.

Более реальным, чем авиационный, был железнодорожный вариант. Группа офицеров под командованием генерала Крымова поднимает по тревоге несколько подразделений и на переходе между Царским Селом и Петроградом захватывает царский поезд, вынуждает царя согласиться на отречение от престола.

Захват поезда намечался несколько раз, но все время переносился. Последний раз операция была перенесена на 1 марта 1917 г. Почему же срывалась операция? Причины были технического и морального характера. Конвой мог оказать сопротивление, а Николай II наверняка отказался бы подписать отречение подобию-поздорову. Вероятность 99 %, что захват поезда кончится так же, как и визит гвардейский офицеров в спальню Павла I.

Офицерам и генералам страна многое дает и вправе многое спросить с них.

Умные офицеры могли вызвать овации народа и поцелуи гимназисток как в 1905 г., так и в 1915 г. Кстати, в день отречения Николая II на вечернем балу в Петрограде великий князь Борис Владимирович на радостях танцевал запрещенное Николаем II танго.

Но увы, увы... Все всё понимали, все возмущались, «под пламенные тирады мы пили вино как воду», а вот перчаток пачкать никто не захотел. Вот все скопом и угодили под колесо истории. Над военными заговорщиками с середины 1916 г. начали смеяться обыватели обеих столиц. Вот характерная юмореска из газеты «Русская воля»:

Москва. Ну-с...

Петроград. Трус... А вы-с?..

Москва. Увы-с...

И вот генерал-лейтенант Крымов и полковник Врангель систематически обсуждают в штабе дивизии вопросы о дворцовом перевороте. А ведь это тягчайшее государственное преступление. Подслушал бы какой-нибудь вестовой и закричал: «Слово и дело государево!», и по законам военного времени петля обоим. Но Врангель и Крымов ничем не рисковали – об этом тогда болтали офицеры во всех штабах. Болтали и... ничего не делали.

Несколько слов стоит сказать о сослуживцах Врангеля по Уссурийской дивизии. Так, командир Приморского драгунского полка генерал-майор Сергей Иванович Одинцов с декабря 1917 г. служил в аппарате РККА, а с ноября 1919 г. командовал 7й армией, защищавшей Петроград от войск Юденича. Однако большинство офицеров полка оказались в рядах белых в Сибири и на Дальнем Востоке. Дело в том, что в конце 1917 г. вся дивизия бросила фронт и отправилась по домам на восток.

Адъютантом Врангеля во время командования Нерчинским полком был Григорий Михайлович Семенов, а подьесаулом служил барон Роберт (Роман) Федорович Унгерн фон Штернберг.

Первый из них с помощью японцев попытался стать правителем Дальнего Востока и произвел сам себя в генерал-лейтенанты. Захвачен Красной Армией в Хабаровске в августе 1945 г., осужден и приговорен к высшей мере, в 1946 г. повешен в Москве.

Ну а подьесаул, «барон», тоже сам себя произвел в генерал-лейтенанты, но пошел еще дальше и назначил себя, любимого, великим монгольским ханом и потомком Чингисхана. Выдан сообщниками большевикам и после публичного процесса 15 сентября 1921 г. расстрелян в Новосибирске.

Но мы отвлеклись, и я вновь предоставляю слово Врангелю:

«Я выехал в Петербург в середине ноября (1916 г.); несколькими днями позже должны были выехать офицеры, входившие в состав депутации...

В верхах, близких к Государю и двору, по-видимому, продолжали не отдавать себе отчета в надвигающейся грозе. Высшее общество и высшая бюрократия были, казалось, всецело поглощены обычными “важными” вопросами, кто куда будет назначен, что говорится в партии Великого Князя или Императрицы... Светская жизнь шла своей обычной чередой, и казалось, что кругом меня не участники грядущей драмы, а посторонние зрители.

Через несколько дней после приезда я назначен был дежурным флигель-адъютантом к Его Императорскому Величеству. Мне много раз доводилось близко видеть Государя и говорить с Ним. На всех видевших Его вблизи Государь производил впечатление чрезвычайной простоты и неизменного доброжелательства. Это впечатление являлось следствием отличительных черт характера Государя – прекрасного воспитания и чрезвычайного умения владеть собой.

Ум Государя был быстрый, Он схватывал мысль собеседника с полуслова, а память Его была совершенно исключительная. Он не только отлично запоминал события, но и лица, и карту; как-то, говоря о Карпатских боях, где я участвовал со своим полком, Государь вспомнил совершенно точно, в каких пунктах находилась моя дивизия в тот или иной день. При

этом бои эти происходили месяца за полтора до разговора моего с Государем, и участок, занятый дивизией, на общем фронте армии имел совершенно второстепенное значение.

Я вступил в дежурство в Царском Селе в субботу, сменив флигель-адъютанта герцога Николая Лейхтенбергского. Государь в этот день завтракал у Императрицы. Мне подан был завтрак в дежурную комнату. После завтрака Государь гулял; а затем принял нескольких лиц, сколько я помню, вновь назначенного министром здравоохранения, профессора Рейна и министра финансов Барка.

Обедали на половине Императрицы. Кроме меня посторонних никого не было, и я обедал и провел вечер один в Семье Государя. Государь был весел и оживлен, подробно расспрашивал меня о полку, о последней блестящей атаке полка в Карпатах. Разговор велся частью на русском, частью, в тех случаях, когда Императрица принимала в нем участие, на французском языках. Я был поражен болезненным видом Императрицы. Она значительно осунулась за последние два месяца, что я Ее не видел. Ярko выступали красные пятна на лице. Особенно поразило меня болезненное и как бы отсутствующее выражение Ее глаз. Императрица главным образом интересовалась организацией медицинской помощи в частях, подробно расспрашивала о новом типе только что введенных противогазов».

Тут стоит прервать барона и напомнить читателю, что в письме к мужу от 4 февраля 1916 г. царица спрашивала: «Интересно бы знать, годится ли противогазная маска Алека?» И с чего бы такая узкотехническая деталь стала интересовать Алису и Григория, столь мало разбиравшихся в физике и химии? Или это был запрос кукловодов Распутина?

Но вот все формальности закончены, и в середине декабря Врангель возвращается на фронт.

«Поздней ночью я встретил дивизию, отходившую на линию реки Серета. Мы простояли несколько дней на этой линии, а затем, смененные пехотой, усиленными переходами перешли в район Галаца, где сосредоточивалась крупная масса конницы, объединить которую должен был генерал от кавалерии граф Келлер. На нашем крайнем левом фланге шли жестокие бои, намечался прорыв нашей пехотой неприятельского фронта, и конницу нашу предполагалось бросить в тыл Макензену. Прорыв не удался и, напрасно простояв сутки под открытым небом, под проливным дождем, конница вновь была оттянута в тыл. Наша дивизия отошла в район Текучи-Бырлат.

Как-то на одном из переходов во время привала ко мне прибыл от генерала Крымова, шедшего в головном полку, ординарец и передал мне, что начальник дивизии просит меня к себе. Подъехав к голове колонны, я увидел группу офицеров штаба дивизии, гревшихся вокруг костра и разбиравших только что привезенную почту. Генерал Крымов, держа в руке несколько скомканных газет, нетерпеливыми большими шагами ходил в стороне. Увидев меня, он еще издали, размахивая газетами, закричал мне: “Наконец-то подлеца Гришку ухлопали...”

В газетах был ряд сведений об убийстве Распутина. Прибывшие одновременно письма давали подробности.

Из трех участников убийства я близко знал двух – Великого Князя Дмитрия Павловича и князя Ф.Ф. Юсупова.

Какие чувства руководили ими? Почему, истребив вредного для Отечества человека, они не объявили об этом громко, не отдали себя на суд властей и общества, а, бросив в прорубь труп, пытались скрыть следы? Трудно верилось полученным сообщениям».

Как не совестно барону в середине-то 1920х годов нести такую чушь! Убийство Распутина еще раз показало, что никакой власти в России нет и в помине. Императрица Александра Федоровна отдала приказ арестовать и расстрелять без суда убийц «нашего Друга». Однако «другая власть» взяла дом великого князя Дмитрия Павловича под охрану. Царь срочно бросает Ставку и едет в Петербург. Но там он не решается даже отдать убийц под

суд и ограничивается ссылкой князя Феликса Юсупова в его имение Ракитное в Курской губернии, а великого князя Дмитрия Павловича отправляет на Персидский фронт. Другой убийца – Пуришкевич – заранее в Санитарном поезде уехал на Западный фронт и там оказался вне действия царской власти.

Но вернемся к жизнеописанию барона:

«10го января я получил известие о состоявшемся назначении моем командиром 1й бригады Уссурийской конной дивизии, в состав которой входили Приморский драгунский и мой Нерчинский казачьи полки. Грустно было расставаться с полком, которым я командовал более 14ти месяцев, с которым делил и тягости боевой жизни, и ряд славных побед. Полк принимал старший полковник полка Маковкин, о назначении которого моим заместителем я еще в Петербурге просил Государя и Походного Атамана Великого Князя Бориса Владимировича.

Сдав полк, я, воспользовавшись нахождением дивизии в армейском резерве, поехал на несколько дней в Яссы».

Там Врангель получил телеграмму о производстве его в чин генерал-майора.

«С производством моим в генералы мне надлежало вступить в командование дивизией, и я выехал на фронт.

В двадцатых числах января дивизия получила приказание перейти в район г. Кишинева. Здесь сосредоточивалась большая часть русской конницы с Румынского фронта. Богатая местными средствами и главным образом фуражом, Бессарабия давала возможность нашей коннице занять широкое квартирное расположение и в течение зимнего затишья на фронте подправиться и подкормиться.

Я повел дивизию крупными переходами. Стояла чрезвычайно снежная зима с обычными в этой части Румынии метелями. Однако привычные к зимнему походу забайкальские кони шли легко, и переход наш во вновь назначенный район мы сделали быстро и без особых затруднений.

Небольшой, чистый и благоустроенный губернский город Кишинев, обыкновенно тихий и молчаливый, был необычайно оживлен. Помимо моей дивизии в ближайшем к городу районе расположены были весь конный корпус генерала Келлера, Туземная, так называемая дикая дивизия князя Багратиона... Масса офицеров всевозможных кавалерийских и казачьих полков наполняли театры и рестораны...

4го или 5го марта, в то время, как я сел ужинать, вернулся из города ординарец штаба дивизии Приморского драгунского полка корнет Квитковский и передал мне о слышанных им в городе слухах о всеобщем восстании в Петербурге и о том, что “из среды Думы выделено будто бы Временное Правительство”. Более подробных сведений он дать не мог. Часов в восемь вечера меня вызвал из города к телефону генерал Крымов. По голосу его я понял, что он сильно взволнован: “В Петербурге восстание, Государь отрекся от престола, сейчас я прочту вам манифест, его завтра надо объявить войскам”.

Я просил генерала Крымова обождать и, позвав начальника штаба, приказал ему записывать за мной слова манифеста. Генерал Крымов читал, я громко повторял начальнику штаба отдельные фразы. Закончив чтение манифеста Государя, генерал Крымов стал читать манифест Великого Князя Михаила Александровича. После первых же фраз я сказал начальнику штаба: “Это конец, это анархия”.

Конечно, самый факт отречения Царя, хотя и вызванный неудовлетворенностью общества, не мог, тем не менее, не потрясти глубоко народ и армию. Но главное было не в этом. Опасность была в самой идее уничтожения монархии, исчезновении самого Монарха. Последние годы Царствования отшатнули от Государя сердца многих сынов отечества. Армия, как и вся страна, отлично сознавала, что Государь действиями Своими больше всего Сам подрывает престол. Передача Им власти Сыну или Брату была бы принята народом и

армией не очень болезненно. Присягнув новому Государю, русские люди, так же как испокон веков, продолжали бы служить Царю и родине и умирать за “Веру, Царя и Отечество”.

Но в настоящих условиях, с падением Царя, пала сама идея власти, в понятии русского народа исчезли все связывающие его обязательства, при этом власть и эти обязательства не могли быть ни чем соответствующим заменены.

Что должен был испытать русский офицер или солдат, сизмальства воспитанный в идее нерушимости присяги и верности Царю, в этих понятиях прошедший службу, видевший в этом главный понятный ему смысл войны...

Надо сказать, что в эти решительные минуты не было ничего сделано со стороны старших руководителей для разъяснения армии происшедшего. Никаких общих руководящих указаний, никакой попытки овладеть сверху психологией армии не было сделано. На этой почве неизбежно должен был произойти целый ряд недоразумений. Разноречивые, подчас совершенно бессмысленные, толкования отречений Государя и Великого Князя (так, один из командиров пехотных полков объяснил своим солдатам, что “Государь сошел с ума”), еще более спутали и затемнили в понятии войск положение. Я решил сообщить войскам оба манифеста и с полной откровенностью рассказать все то, что было мне известно – тяжелое положение в тылу, неудовольствие, вызванное в народе многими представителями власти, обманывавшими Государя и тем затруднявшими проведение в стране мира, необходимого в связи с настоящей грозной войной. Обстоятельства, сопровождавшие отречение Государя, мне неизвестны, но манифест, подписанный Царем, мы, “присягавшие Ему”, должны беспрекословно выполнить, так же как и приказ Великого Князя Михаила Александровича, коему Государь доверил Свою власть.

Утром полкам были прочитаны оба акта и даны соответствующие пояснения. Первые впечатления можно характеризовать одним словом – недоумение. Неожиданность ошеломила всех. Офицеры, так же как и солдаты, были озадачены и подавлены. Первые дни даже разговоров было сравнительно мало, люди притихли, как будто ожидая чего-то, старались понять и разобраться в самих себе. Лишь в некоторых группах солдатской и чиновничьей интеллигенции (технических команд, писарей, состав некоторых санитарных учреждений) ликовали. Персонал передовой летучки, в которой, между прочим, находилась моя жена, в день объявления манифеста устроил на радостях ужин; жена, отказавшаяся в нем участвовать, невольно через перегородку слышала большую часть ночи смех, возбужденные речи и пение.

Через день, объехав полки, я проехал к генералу Крымову в Кишинев. Я застал его в настроении приподнятом, он был весьма оптимистически настроен. Несмотря на то, что в городе повсеместно уже шли митинги и по улицам проходили какие-то демонстрировавшие толпы с красными флагами, где уже попадались отдельные солдаты из местного запасного батальона, он не придавал этому никакого значения; он искренне продолжал верить, что это переворот, а не начало всероссийской смуты. Он горячо доказывал, что армия, скованная на фронте, не будет увлечена в политическую борьбу, и “что было бы гораздо хуже, ежели бы все это произошло после войны, а особенно во время демобилизации... Тогда армия просто бы разбежалась домой с оружием в руках и стала бы сама наводить порядок”».

Через несколько дней генерал-лейтенант Крымов вызвал Врангеля к себе и предложил отправиться с письмом Крымова к военному министру Гучкову.

Дело в том, что Крымов и Гучков еще до войны были близкими друзьями. Но не будем забывать: идет тяжелая война, а командир корпуса снимает с фронта командира дивизии и отправляет его с личным секретным письмом в Петроград. Да ведь это еще одно военное преступление! Увы, наш барон резко возмущался, видя разгильдяйство среди нижних чинов, но для себя и людей своего круга он считал дозволенным все.

В тот же вечер Врангель выехал в Петроград.

«На станции Жмеринка мы встретили шедший с севера курьерский поезд. Среди пассажиров оказалось несколько очевидцев последних событий в столице. Между ними начальник 12й кавалерийской дивизии свиты генерал барон Маннергейм (командовавший впоследствии в Финляндии белыми войсками). От него первого, как очевидца, узнал я подробности столичных народных волнений, измены правительству воинских частей, имевшие место в первые же дни случаи убийства офицеров. Сам барон Маннергейм должен был в течение трех дней скитаться по городу, меняя квартиры. Среди жертв обезумевшей толпы и солдат оказалось несколько знакомых: престарелый граф Штакельберг, бывший командир Кавалергардского полка граф Менгден, Лейб-Гусар граф Клейнмихель... Последние два были убиты в Луге своими же солдатами запасных частей гвардейской кавалерии.

В Киеве между поездами я поехал навестить семью губернского предводителя Безака. По дороге видел сброшенный толпой с пьедестала, в первые дни после переворота, памятник Столыпина. Безаки оставили обедать. За обедом я познакомился с только что прибывшим из Петербурга членом Думы бароном Штейгером и от него узнал подробности того, что происходило в решительные дни в стенах Таврического дворца. От него впервые услышал я хвалебные отзывы о Керенском. По словам барона Штейгера, это был единственный темпераментный человек в составе правительства, способный владеть толпой. Ему Россия была обязана тем, что кровопролитие первых дней вовремя остановилось.

На станции Бахмач к нам в вагон сел адъютант Великого Князя Николая Николаевича, полковник граф Менгден. Он оставил в Бахмаче поезд Великого Князя, направлявшегося из Тифлиса в Могилев, где Великий Князь должен был принять главное командование. Граф Менгден ехал в Петербург, где у него оставалась семья – жена, дети и брат. Он ничего еще не знал о трагической смерти последнего. Пришлось выполнить тяжелую обязанность сообщить ему об этом. Граф Менгден передал мне, что Великий Князь уже предупрежден о желании Временного Правительства, чтобы Он передал главное командование генералу Алексееву и что Великий Князь решил, избегая лишних осложнений, этому желанию подчиниться. Я считал это решение Великого Князя роковым. Великий Князь был чрезвычайно популярен в армии как среди офицеров, так и среди солдат. С Его авторитетом не могли не считаться и все старшие начальники: главнокомандующие фронтов и командующие армиями. Он один еще мог оградить армию от грозившей ей гибели, на открытую с Ним борьбу Временное Правительство не решилось бы.

В Царском дебаркадер был запружен толпой солдат гвардейских и армейских частей, большинство из них были разукрашены красными бантами. Было много пьяных. Толкаясь, смеясь и громко разговаривая, они, несмотря на протесты поездной прислуги, лезли в вагоны, забив все коридоры и вагон-ресторан, где я в это время пил кофе. Маленький рыжеватый финляндский драгун с наглым лицом, папироской в зубах и красным бантом на шинели, бесцеремонно сел за соседний столик, занятый сестрой милосердия, и пытался вступить с ней в разговор. Возмущенная его поведением, сестра стала ему выговаривать. В ответ раздалась площадная брань. Я вскочил, схватил негодяя за шиворот и, протаскив к выходу, ударом колена выбросил его в коридор. В толпе солдат загудели, однако никто не решился заступиться за нахала.

Первое, что поразило меня в Петербурге, это огромное количество красных бантов, украшавших почти всех. Они были видны не только на шатающихся по улицам, в расстегнутых шинелях, без оружия, солдатах, студентах, курсистках, шоферах таксомоторов и извозчиках, но и на щеголеватых штатских и значительном числе офицеров. Встречались элегантные кареты собственников с кучерами, разукрашенными красными лентами, владельцами экипажей с приколотыми к шубам красными бантами. Я лично видел несколько старых, заслуженных генералов, которые не побрезгали украсить форменное пальто модным революционным цветом. В числе прочих я встретил одного из лиц свиты Государя, тоже украсив-

шего себя красным бантом; вензеля были спороты с погон; я не мог не выразить ему моего недоумения увидеть его в этом виде. Он явно был смущен и пытался отшучиваться: “Что делать, я только одет по форме – это новая форма одежды...” Общей трусостью, малодушием и раболепием перед новыми властителями многие перестарались. Я все эти дни постоянно ходил по городу пешком в генеральской форме с вензелями Наследника Цесаревича на погонах (и, конечно, без красного банта) и за все это время не имел ни одного столкновения.

Эта трусливость и лакейское раболепие русского общества ярко сказались в первые дни смуты, и не только солдаты, младшие офицеры и мелкие чиновники, но и ближайшие к Государю лица и сами члены Императорской Фамилии были тому примером. С первых же часов опасности Государь был оставлен всеми. В ужасные часы, пережитые Императрицей и Царскими Детьми в Царском, никто из близких к Царской Семье лиц не поспешил к Ним на помощь. Великий Князь Кирилл Владимирович сам привел в Думу гвардейских моряков и поспешил “явиться” М.В. Родзянко. В ряде газет появились “интервью” Великих Князей Кирилла Владимировича и Николая Михайловича, где они самым недостойным образом порочили отрекшегося Царя. Без возмущения нельзя было читать эти интервью.

Борьба за власть между Думой и самочинным советом рабочих и солдатских депутатов продолжалась, и Временное Правительство, не находившее в себе силы к открытой борьбе, все более становилось на пагубный путь компромиссов.

Гучков отсутствовал в Петербурге. Я решил его ждать и, зайдя в военное министерство, оставил свой адрес, прося уведомить, когда военный министр вернется. Через день ко мне на квартиру дали знать по телефону, что министр иностранных дел П.Н. Милюков, осведомившись о приезде моем в Петербург с поручением к А.И. Гучкову, просил меня к себе. На другой день утром я был принят весьма любезно Милюковым.

– Александр Иванович Гучков отсутствует, – сказал мне министр, – но я имею возможность постоянно с ним сноситься. Я могу переслать ему ваше письмо, а также постараюсь совершенно точно передать ему все то, что вы пожелали бы мне сообщить. Мы с Александром Ивановичем люди разных партий, – прибавил улыбаясь Милюков, – но теперь, как вы понимаете, разных партий нет, да и быть не может.

Передав письмо генерала Крымова министру, я постарался возможно подробнее высказать ему свой взгляд на опасность для армии создавшегося положения. Я указал ему, что в настоящую минуту, когда особенно необходима твердая дисциплина, надлежит всеми мерами поддерживать престиж начальников, что последние приказы расшатывают дисциплину в армии и сами создают пропасть между офицерским составом и солдатами, что требование дисциплины “лишь только в строю” вредно и бессмысленно.

– Сейчас война, и мы все воины, и офицеры и солдаты, где бы мы ни находились: в окопах, в резерве или в глубоком тылу, – мы все время, в сущности, несем службу и находимся “в строю”. Новые права солдата, требование обращения к солдатам на “вы”, право посещать общественные места, свободно курить и т. д., хорошему солдату сейчас не нужны. Русский простолюдин сызмальства привык к обращению на “ты” и в таком обращении не видит для себя обиды; в окопах и на привале русские офицеры и солдаты живут вместе, едят из одного котла и закуривают от одной папироски – свободным посещением публичных мест, курением и прочими свободами воспользуются лишь такие солдаты, как те, что шатаются ныне по улицам столицы.

Министр слушал меня весьма внимательно, делая пометки все время в блокнот.

– То, что вы говорите, весьма интересно, я точно передам все это Александру Ивановичу Гучкову. Однако должен заметить, что те сведения, которыми мы располагаем, то, что мы слышим здесь от представителей армии, освещает вопрос несколько иначе.

– Это возможно, – ответил я, – но позвольте спросить вас, о каких представителях армии вы изволите говорить. О тех, что заседают в совете рабочих и солдатских депутатов,

неизвестно кем выбранные и кем назначенные, или о тех, которых я видел только что на улицах города, разукрашенных красными бантами. Поверьте мне, что из хороших офицеров и солдат в Петербурге сейчас находятся лишь те, что лежат в лазаретах, и едва ли они могут быть вашими осведомителями. Я не сомневаюсь, что все прочие, кто случайно находился здесь, сейчас уже поспешили вернуться в свои родные части.

– Конечно, я не берусь судить, – Александр Иванович Гучков в этом вопросе компетентнее меня. Вероятно, по его возвращении он пожелает лично вас видеть. Пока будьте уверены, я в точности передам все вами сказанное...

Вернувшись домой, я нашел телеграмму генерала Крымова, он сообщал мне, что вызван военным министром в Петербург, что я назначен временно командующим дивизией и должен немедленно вернуться в Кишинев. С большим трудом достав билет, я в тот же вечер выехал из Петербурга.

15го марта я прибыл в Кишинев. Генерал Крымов, не дождавшись меня, накануне выехал, с ним уехал и начальник штаба дивизии полковник Самарин. Полковник Самарин, по приезде в Петербург, был назначен начальником кабинета военного министра; его заместителем оказался генерального штаба подполковник Полковников, донской казак, через несколько дней после моего приезда прибывший к месту службы. Подполковник Полковников, оказавшийся впоследствии, после корниловских дней, во главе Петербургского военного округа и сыгравший в дни падения Временного Правительства столь печальную роль, в должности начальника штаба дивизии оказался способным, толковым и дельным работником...

17го марта был день полкового праздника Амурского казачьего полка. Полк этот был включен в состав дивизии сравнительно недавно – весной 1916 года, и по внутреннему порядку своему невыгодно отличался от других полков дивизии. Год тому назад, когда полк находился в Петербурге, неся охрану, в полку была громкая история – убийство казаками своего офицера. Амурские казаки, отличные солдаты, были, в большинстве случаев, народ буйный и строптивый. Полком командовал Амурского казачьего войска полковник Сычев. Подъехав к выстроенному для парада полку, я с удивлением увидел, вместо сотенных значков, в большинстве сотен красные флаги. Для флагов этих казаки, видимо, использовали “подручный материал”, и на флаг одной из сотен, очевидно, пошла юбка из красного ситца с какими-то крапинками. Командир подскочил с рапортом, оркестр заиграл марсельезу. Приняв рапорт командира полка, я спросил его, что значит этот маскарад, и услышал неожиданный для меня ответ, – “казаки этого потребовали”. Я объявил полковнику Сычеву, что не допускаю никаких “требований” подчиненных, что уставом ясно указано о порядке встречи старших начальников, что при встрече полк обязан играть полковой марш и что цвет значков каждой сотни установлен. Проехав по фронту, поздоровавшись с сотнями и поздравив с войсковым праздником, я, став перед фронтом полка, обратился к казакам:

– Я ожидал встретить славный ваш полк под старым своим знаменем, а сотни с их боевыми значками, вокруг которых погибло геройской смертью столько славных амурских казаков. Под этими значками хотел я собрать сегодня вас и выпить за славу Амурского войска и Амурского полка круговую чарку, но под красной юбкой я сидеть не буду и сегодняшний день с вами провести не могу.

Круто повернув коня, я поскакал домой.

В тот же день я отдал приказ по дивизии, где объявил выговор командиру Амурского полка за допущение беспорядков в строю. Полковник Сычев, поддержанный заведующим хозяйством есаулом Гордеевым, пьяницей и плохим офицером, пытался вызвать недовольство полка против меня, стараясь внушить офицерам и казакам, что я оскорбил полк и в лице его все амурское казачество, что я сам не казак, а потому и обижаю казаков – одним словом, раздался тот припев, который впоследствии напевали так часто вожди “самостийного”

казачества. Как только я узнал о недопустимых действиях командира полка и его помощника, я без лишних слов отдал приказ об отрешении обоих от должности и предписал им в тот же день выехать из пределов дивизии. Приехав в Амурский полк, я собрал офицеров, разъяснил им дело и высказал свой взгляд на вещи. В командование полком я приказал вступить Полковникову (в этой должности он был впоследствии утвержден по ходатайству генерала Крымова), а о действиях полковника Сычева и есаула Гордеева приказал командиру 2ой бригады, генералу Железнову, произвести расследование для предания их суду».

Не знаю, кому как, а мне последняя фраза барона кажется «остроумием на лестнице». Ведь из корпуса его вскоре исключили. Сам Врангель объясняет это разногласиями с Крымовым, но вряд ли это было главной причиной отъезда барона 5 апреля 1917 г. в Петроград.

«Я застал Петербург необыкновенно оживленным. С раннего утра и до поздней ночи улицы города были наполнены толпами народа. Большую часть их составляли воинские чины. Занятия в казармах нигде не велись, и солдаты целый день и большую часть ночи проводили на улицах. Количество красных бантов, потеряв прелесть новизны, по сравнению с первыми днями революции, поуменилось, но зато неряшливость и разнузданность как будто еще увеличились. Без оружия, большей частью в расстегнутых шинелях, с папиросой в зубах и карманами, полными семечек, солдаты толпами ходили по тротуару, никому не отдавая чести и толкая прохожих. Щелканье семечек в эти дни стало почему-то непременным занятием “революционного народа”, а так как со времени “свобод” улицы почти не убирались, то тротуары и мостовые были сплошь покрыты шелухой. С большинства аптек и вывесок придворных поставщиков, в стремлении уничтожить “ненавистные признаки самодержавия”, толпой в первые дни революции были сорваны орлы, и отсутствие на привычных местах вывесок производило впечатление какого-то разгрома.

В Таврическом дворце, городской думе, во всех общественных местах, на площадях и углах улиц ежедневно во все часы шли митинги. Это была какая-то вакханалия словоизвержения. Казалось, что столетиями молчавший обыватель ныне спешил наговориться досыта, нагнать утерянное время. Сплошь и рядом, в каком-либо ресторане, театре, кинематографе, во время антракта или между двумя музыкальными номерами какой-нибудь словоохотливый оратор влезал на стул и начинал говорить. Ему отвечал другой, третий, и начинался своеобразный митинг. Страницы прессы сплошь заняты были речами членов Временного Правительства, членов совета рабочих и солдатских депутатов, речами разного рода делегаций. Темы были всегда одни и те же: осуждение старого режима, апология “бескровной революции”, провозглашение “продолжения борьбы до победного конца” (до “мира без аннексий и контрибуций” тогда еще не договорились), восхваление “завоеваний революции”. Спасать Россию уже не собирались, говорили лишь о спасении “завоеваний революции”. Формула эта стала наиболее ходячей, и в невольном стремлении сделать ее более удобоваримой договорились до “спасения революции”, получилось что-то безграмотное и бессмысленное.

Борьба между Временным Правительством и советом рабочих и солдатских депутатов продолжалась. Надо отдать справедливость левым элементам, они действовали решительно и определенно шли к намеченной цели. Временное Правительство, в правой его части, наоборот, все время явно избегало решительных действий и слов, искало “компромисса” и подыгрывалось под “революционную демократию”... В то время как “широкая амнистия” покрыла не только бывших революционеров, но и явных агентов германского генерального штаба; в то время как прибывшие прямо из Германии во главе с Лениным большевики, среди бела дня захватив дом балерины Кшесинской на Каменноостровском проспекте¹⁰, обращались с балкона к толпе слушателей, призывая их к позорному миру, и

¹⁰ Большевики «среди бела дня» не захватывали дворец Кшесинской. Матильда стала жертвой собственного тщеславия. В ее дворце имелся большой гараж, где стояли два ее личных автомобиля и несколько экипажей. Именно этот гараж

Временное Правительство не смело их арестовать, – в Петропавловскую крепость заключались бывшие сановники, министры и другие лица, лишь потому, что они не угодны революционной демократии. В то время, как левая печать открыто вела разлагающую армию пропаганду, правые газеты конфисковывались и закрывались. В Крыму, по приказанию Временного правительства, распоряжением полковника Верховского производились обыски у членов Императорской Фамилии.

Не избежала обыска и престарелая императрица Мария Федоровна. Агенты вошли к ней в спальню и шарили в ее вещах, невзирая на то, что Императрица находилась в постели. Одновременно с обыском у членов Императорской Семьи подвергся обыскам и ряд частных лиц, проживающих в Ялте, в том числе и моя жена. У нее отобрали мои письма, в которых, конечно, ничего найти не могли».

В Петрограде Врангель отправился к военному министру Гучкову, но был принят его секретарем.

В своих «Записках» Врангель бичует генералов и офицеров, «приемлющих революцию». Большинство фамилий нам ничего не говорит, но характеристику одного персонажа стоит привести полностью, благо, с этим типом нам еще предстоит встретиться.

«“Поставившим на революцию” оказался и бывший мой однополчанин, а в это время начальник 1й кавалерийской дивизии, генерал Бискупский. Лихой и способный офицер, весьма неглупый и с огромным честолюбием, непреодолимым желанием быть всегда и всюду первым, Бискупский был долгое время в полку коноводом, пользуясь среди товарищей большим влиянием. Он женился на известной исполнительнице романсов Вяльцевой и долго сумел скрывать этот брак, оставаясь в полку. Такое фальшивое положение все же продолжаться не могло, и за два года до войны Бискупский полковником ушел в отставку. Он бросился в дела, основывал какие-то акционерные общества по разработке нефти на Дальнем Востоке, вовлек в это дело ряд бывших товарищей и, в конце концов, жестоко поплатился вместе с ними. Овдовев, он поступил в Иркутский гусарский полк и, быстро двигаясь по службе, в конце войны командовал уже дивизией. В Петербурге он попал делегатом в совет солдатских депутатов от одной из армий. Он постоянно выступал с речами, по уполномочию совета, совместно с несколькими солдатами, ездил для переговоров с революционным кронштадтским гарнизоном и мечтал быть выбранным председателем военной секции совета. Как и следовало ожидать, из этого ничего не вышло. Выбранным оказался какой-то фельдшер, и Бискупский вскоре уехал из Петербурга».

В столице Врангель пытается сколотить офицерскую организацию ультраправого типа.

«Военная организация в столице, располагавшая хотя бы небольшими военными силами и могущая выступить в нужную минуту, казалась мне для успеха дела совершенно необходимой. Ко мне обращался ряд лиц, частью из существующих уже военных организаций, частью находящихся в частях столичного гарнизона. Мне скоро удалось войти в связь с офицерами целого ряда частей. На целый ряд этих частей мы могли вполне рассчитывать.

Сведениями своими я решил поделиться со старым однополчанином и другом моим графом А.П. Паленом (впоследствии командир корпуса в Северо-Западной армии генерала Юденича). Ожидая со дня на день назначения в армию, я предполагал оставить его во главе дела в Петербурге. Граф Пален очень подходил для намеченного дела; он легко мог, не возбуждая особых подозрений, вести свою работу в столице. Он всю жизнь прослужил в гвардии в Петербурге, его знала почти вся гвардия, и среди офицеров Петроградского гарнизона он пользовался общим уважением. Вместе с тем его сравнительно небольшой чин,

свойственная ему молчаливость и замкнутость давали возможность рассчитывать, что ему удастся вести работу с достаточной скрытностью.

В помощь нам мы привлекли несколько молодых офицеров. Нам удалось раздобыть кое-какие средства. Мы организовали небольшой штаб, прочно наладили связь со всеми военными училищами и некоторыми воинскими частями, расположенными в столице и пригородах, организовали ряд боевых офицерских дружин. Разведку удалось поставить отлично. Был разработан подробный план занятия важнейших центров города и захвата всех тех лиц, которые могли бы оказаться опасными».

Бездарные «временные» министры решили удержаться у власти путем разгрома супостата. Поразить германскую армию на карте оказалось просто и легко.

«Новый министр “революционной армии” Керенский беспрерывно метался на фронте, произносил истерические речи и призывал “революционные войска спасать завоевания революции”. Маршевые пополнения шли на фронт, неся плакаты с призывами: “Война до победного конца”, “Все на фронт”, “Лучше смерть, чем рабство” и т. д. Несмотря на “революционный порыв”, эти маршевые пополнения, большей частью, разбегались по дороге.

В середине июня я получил телеграмму за подписью дежурного генерала 8й армии полковника графа Гейдена, коей испрашивалось согласие мое на назначение меня “впредь до освобождения дивизии” командиром бригады 7й кавалерийской дивизии. Я ответил согласием. Однако проходили дни, все более и более приближался час перехода армии в наступление, а приказа о назначении не было.

18го июня армии Юго-Западного фронта атаковали противника, 8я армия генерала Корнилова вторглась в Галицию, фронт противника был прорван, наши войска овладели Галичем и Станиславовым. Казалось, после долгих месяцев победа вновь озаряла русские знамена.

Наконец, 30го июня, я получил телеграмму о назначении меня командующим, но не бригадой, а 7й кавалерийской дивизией. Через день я выехал в Каменец-Подольск.

6го июля я прибыл в Каменец-Подольск. Здесь узнал я последние новости. “Прорыв революционной армии”, о котором доносил председателю правительства князю Львову “военный министр”, закончился изменой гвардейских гренадер, предательски уведенных с фронта капитаном Дзевалтовским. За ними, бросая позиции, стихийно побежала в тыл вся 11я армия. Противник занял Тарнополь, угрожая флангу и тылу соседней 8й армии генерала Корнилова.

Геройская гибель ударных батальонов, составленных, большей частью, из офицеров, оказалась напрасной. “Демократизированная армия”, не желая проливать кровь свою для “спасения завоеваний революции”, бежала, как стадо баранов. Лишенные власти начальники бессильны были остановить эту толпу. Перед лицом грозной опасности безвольное и бездарное правительство как будто прозрело, оно поняло, казалось, необходимость для армии иной дисциплины, кроме “революционной”. Назначение генерала Корнилова главнокомандующим Юго-Западного фронта, вместо генерала Брусилова, назначенного незадолго верховным главнокомандующим, казалось, подтверждало это...

27го августа, имея надобность в каких-то указаниях, я проехал верхом в штаб армии. В штабе я застал большое волнение. Только что получена была телеграмма генерала Корнилова, где он, обращаясь к армии, говорил о “свершившемся великом предательстве...” (Телеграмма Керенского, объявляющая главнокомандующего изменником, была получена несколькими часами позже). Вместе с тем, ставкой приказывалось снять радио и не принимать никаких телеграмм от председателя правительства. Армейский комитет против последнего протестовал, его поддерживал и. д. генерал-квартирмейстера, “приемлющий революцию”, полковник Левицкий. Командующий армией генерал Соковнин и начальник штаба генерал Ярон казались совершенно растерянными. С большим трудом удалось мне

получить копию с телеграммы главнокомандующего, причем командующий армией предложил мне не объявлять телеграммы этой впредь до выяснения обстановки и получения указаний от главнокомандующего фронтом генерала Щербачева.

Командующий армией не нашел в себе сил вступить в борьбу с армейским комитетом и отдал приказание полковнику Левицкому “с распоряжением о снятии радио повременить”. В то время как я, выйдя из штаба, сидел на лошади, полковник Левицкий с торжествующим видом объявил это стоящим тут же представителям армейского комитета. Я не сдержался и резко заявил полковнику Левицкому, что невыполнение приказа главнокомандующего при настоящих условиях считаю совершенно преступным и, что касается моего корпуса, то немедленно по прибытии в штаб отдам распоряжение о снятии радиостанции.

Часов в шесть вечера ко мне заехал генерал Одинцов, он сообщил мне о полученной армейским комитетом телеграмме Керенского, объявляющей Корнилова изменником. По его словам, командующий армией и начальник штаба совсем растерялись, и все распоряжения отдает полковник Левицкий, поддерживаемый армейским комитетом. Генерал Одинцов совершенно неожиданно предложил мне “поднять по тревоге корпус, арестовать штаб и вступить в командование армией”. Я мог только недоуменно развести руками.

Рано утром адъютант доложил мне, что дивизионный комитет 3й казачьей дивизии вызывает в дивизию членов дивизионного комитета 7й дивизии, что в 3ю дивизию прибыли представители армейского комитета и что генерал Одинцов, по требованию армейского комитета, задержал готовившуюся к отправке на погрузку 2ю бригаду 3й дивизии, которая накануне получила указание о направлении в Одессу».

В конце концов, после продолжительных митингов 3я дивизия решила поддержать Керенского, а в 7й дивизии так ничего и не решили. Сам же Врангель вновь отправился в столицу. В Петроградском военном округе, куда Врангель хотел получить назначение, места для него не нашлось, и барон отправился в ставку к генералу Духонину.

«Ставка эти дни была полна волнениями. Бесперывно заседал армейский комитет. Генералы Духонин, Дидерихс и Вырубов не отходили от аппаратов Юза. Стало известно о движении генерала Краснова с 3 корпусом на Петербург, за ним должны были двигаться еще войска. Но уже через день заговорили об “измене генерала Черемисова”. В штабе главнокомандующего северным фронтом уже велась недостойная игра. Генерал Черемисов довольно прозрачно давал окружающим понять, что в ближайшие дни он готовится стать верховным главнокомандующим. Вызванные в Петербург правительством эшелоны были задержаны генералом Черемисовым в пути; казаки Уссурийцы стали брататься с большевиками. Еще раз в верхах армии появилась растерянность, нерешительность, предательство и трусость...

В день, когда мне стало известно о назначении верховным главнокомандующим прапорщика Крыленко, я решил уехать из армии. Генерал Духонин меня более не удерживал. Получив нужные бумаги, я зашел к Вырубову попрощаться. Я застал его сильно расстроенным, он только что вернулся от Духонина, который получил известие об отданном Крыленкой приказе войскам “вступить в переговоры с противником”, при этом Крыленко телеграфировал Духонину, требуя сдачи должности начальнику гарнизона, генералу Бонч-Бруевичу. Бездарный, тупой и на редкость беспринципный – Бонч-Бруевич успел втереться в доверие могилевского совдепа. Генерал Духонин предложил генералам Дидерихсу и Вырубову освободить их от связывающего слова не оставлять друг друга. Вырубов отказался, решив до конца разделить участь с главнокомандующим, Дидерихс же, хотя и решил остаться, но в качестве “частного человека”, заручившись приказом за подписью Духонина об откомандировании в Кавказскую армию. По словам Вырубова, генерал Духонин решил ставку переносить в Киев.

С тяжелым чувством я выехал из армии. Восемь месяцев тому назад Россия свергла своего Монарха. По словам стоявших у власти людей, государственный переворот имел

целью избавить страну от правительства, ведшего его к позорному сепаратному миру. Новое правительство начертало на своем знамени: “Война до победного конца”. Через восемь месяцев это правительство позорно отдало Россию на милость победителю. В этом позоре было виновато не одно безвольное и бездарное правительство. Ответственность с ним разделяли и старшие военачальники и весь русский народ. Великое слово “свобода” этот народ заменил произволом и полученную вольность претворил в буйство, грабеж и убийство».

Глава 3

Начало Гражданской войны

Как нам назвать события 25 октября 1917 г. в Петрограде? Октябрьским переворотом или Великой Октябрьской Социалистической революцией? Увы, Великая Октябрьская революция не была ни октябрьской, ни великой, ни революцией. Для доказательства первого достаточно заглянуть в календарь, а для доказательства второго и третьего утверждений – труды Ленина и других большевиков за 1917—1920 гг. Первые месяцы и даже годы в разговорах между собой и даже в открытых статьях они называли события 7 ноября (25 октября по старому стилю) исключительно октябрьским переворотом. Великая революция – это уже эпитеты партийных пропагандистов в последующие годы. Не было никакого штурма Зимнего, равно как и залпа «Авроры».

В октябре 1917 г. по Зимнему был сделан один холостой выстрел «Авроры» и 2 (два!) боевых выстрела из орудий Петропавловской крепости, зато в октябре 1993 г. по Белому дому было выпущено несколько тысяч снарядов калибра от 30 до 125 мм включительно.

Зимний практически никто не защищал. Около двух тысяч юнкеров и рота женского батальона были вызваны к Зимнему обманом – одних позвали нести караульную службу, других – грузить дрова. Увидев, что дело пахнет не дровами, а керосином, почти все юнкера и дамы мирно разошлись, революционные солдаты и матросы им не препятствовали. Далее солдаты и матросы, для приличия немного постреляв, в основном в потолки, заняли дворец и арестовали министров Временного правительства.

То же, что нам многократно показывало советское, а сейчас «общественное» телевидение, является не документальными показами взятия Зимнего, а кадрами художественного фильма «Октябрь», снятого много лет спустя.

Большевики не брали, а тем более не узурпировали власть. Они нашли ее в дерьме, старательно отмыли и начали управлять.

Боюсь, что уже читатель-патриот побагровел – автор ёрничаёт, издевается над русской историей! Успокойтесь, у них за бугром все было гораздо хуже, чем у нас. Вот, к примеру, 14 июля 1789 г. в Бастилии гарнизон состоял из 95 инвалидов и 30 швейцарцев, пушки были сняты со стен, а амбразуры заколочены. В крепости томились семеро заключенных (четверо сидели за подлоги, двое сумасшедших и один развратник-садист). На требование сдать крепость комендант Де Лонэ предложил вожакам восстания отобедать с ним и мирно решить все проблемы. Подъемный мост был опущен. Толпа ворвалась в Бастилию. Комендант, четверо офицеров и трое инвалидов были зверски убиты. Революционеры, воткнув головы убитых на пики, гордо двинулись по Парижу.

Таким образом, если штурм Зимнего был веселой опереттой, то взятие Бастилии представляло довольно отвратительное зрелище. Но вот парадокс – французы уже 219 лет ежегодно с большой помпой отмечают взятие Бастилии, 14 июля – это главный государственный праздник Франции. Впрочем, этот парадокс легко объясним. Штурм Зимнего и Бастилии сами по себе явления незначительные, но они стали вехами великих процессов, которые потрясли весь мир. Действительно, с 1789го и с 1917 года история всего человечества лет на семьдесят определялась в основном тем, что происходило во Франции или России.

С начала 90х годов XX века либеральные историки и СМИ вдалбливают нам, что в Гражданской войне были лишь две силы – «красные» и «белые».

Подробно о составе «белых» мы поговорим позже. А пока для нас белые – это коктейль из монархистов, государственников правого толка и лиц без определенных взглядов,

мечтавших навести порядок в стране в границах 1914 г. Замечу, что «белые» не получили ни одного голоса в «Учредилке».

Главное же то, что Гражданская война к 25 октября 1917 г. уже шла. И если бы большевики отказались брать власть и даже, фантастический вариант, приняли нейтралитет в Гражданской войне, война бы все равно шла и была бы как минимум не менее кровавой.

Националисты уже поставили под ружье сотни тысяч бойцов и без большой крови не собирались отказываться от создания национальных государств на территории империи. Крестьяне в основном уже захватили помещичьи земли и разграбили барские усадьбы. Главное же, что это были не «поселяне» образца 1905—1907 гг., когда эскадрон казаков, двигаясь от деревни к деревне, мог за месяц перепороть весь уезд. Солдаты вернулись домой с «трехлинейками», а зачастую и с «максимами» – а вдруг в хозяйстве пригодятся.

Особую группу составляли казаки. Новая власть им почти ничего не давала. Главное же, они боялись потерять свои привилегии по сравнению с пришлыми русскими крестьянами и инородцами, проживавшими на казачьих территориях.

В ходе Корниловского мятежа премьер Керенский объявил атамана Войска Донского генерала А.М. Каледина мятежником и потребовал его прибытия в Петроград для допроса. Каледин, безусловно, сочувствовал Корнилову, но в заговоре не участвовал. В день начала Корниловского мятежа он объезжал глухие станицы Донской области, расположенные вдали от железных дорог.

В ответ Каледин создал местное независимое «Войсковое правительство». На Дон со всей страны стали съезжаться контрреволюционно настроенные офицеры. Генералы Л.Г. Корнилов, М.В. Алексеев и А.И. Деникин 2 (15) ноября 1917 г. приступили в Новочеркасске к формированию Добровольческой армии.

Достаточно компетентный эмигрантский историк Гражданской войны Дмитрий Лехович писал: «Каледин знал, что генералам и съехавшимся на Дон офицерам повсюду в России грозила смертельная опасность. Он не мог отказать им в приюте и из своих личных средств помогал беженцам. На упреки критиков атаман указывал на старый казачий обычай: “С Дона выдачи нет!” Но в то же время под давлением все обострявшихся событий он просил генерала Алексеева обставить вербовку добровольцев возможно конспиративнее и советовал перевести алексеевскую организацию куда-нибудь за пределы области – в Ставрополь или в Камышин, то есть в пункты, находившиеся вне области Войска Донского, но в то же время прикрытые ею от центра европейской России.

Генерал Алексеев не последовал совету Каледина. Он не перенес свою деятельность ни в Ставрополь, ни в Камышин. По многим причинам он этого сделать не желал, да и не мог.

А добровольцы пробирались на Дон и в одиночку, и целыми группами. Влекли их туда имена признанных вождей. Двое из них – Алексеев и Корнилов – были Верховными Главнокомандующими; Деникин – Главнокомандующим сперва Западным, затем Юго-Западным фронтами; а Каледин заслужил всеобщее уважение как командующий 8й армией, а потом как атаман Войска Донского. Кроме того, по своему происхождению и Алексеев, и Корнилов, и Деникин в прямом смысле вышли из народа.

С риском быть опознанными по дороге, с опасностью быть расстрелянными на месте двигались туда офицеры, юнкера, кадеты, студенты. Старшее поколение интеллигенции выжидало. Но молодежь, глубоко оскорбленная в своем чувстве патриотизма, готова была идти на любые лишения и жертвы».¹¹

На Дон отправились и деятели правого центра: П.Н. Милюков, П.Б. Струве, член кадетской партии М. Федоров, князь Г.Н. Трубецкой, бывший председатель Государственной думы М.В. Родзянко. Приехал в Новочеркасс и Керенский, но там «правителем России»

¹¹ Лехович Д.В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М.: Воскресенье, 1992. С. 151—152.

его никто считать не пожелал, и уехал Александр Федорович, несолоно хлебавши. Позже в своих мемуарах Керенский будет отрешиваться от своих донских походов.

Кто же должен был стать вождем антибольшевистского движения? Лехович писал по этому поводу: «С приходом Корнилова обнаружилось одно обстоятельство: его взаимоотношения с генералом Алексеевым настолько обострились, что совместная работа представляла большие затруднения. “О чем они говорили (при встрече), – писал генерал Деникин, – я не знаю, но приближенные вынесли впечатление, что расстались они темнее тучи...”»

Вскоре состоялось совещание старших генералов и общественных деятелей, приехавших из Москвы. “По существу, – говорил Антон Иванович, – весь вопрос сводился к определению роли и взаимоотношений двух генералов – Алексеева и Корнилова. И общественные деятели, и мы были заинтересованы в сохранении их обоих в интересах армии. Ее хрупкий еще организм не выдержал бы удаления кого-нибудь из них: в первом случае (уход Алексеева) армия раскололась бы, во втором – она бы развалилась. Между тем обоим в узких рамках только что начавшегося дела было, очевидно, слишком тесно.

Произошла тяжелая сцена. Корнилов требовал полной власти над армией, не считая возможным иначе управлять ею, и заявил, что в противном случае он оставит Дон и переедет в Сибирь. Алексееву, по-видимому, трудно было отказаться от прямого участия в деле, созданном его руками. Краткие, нервные реплики их перемешивались с речами общественных деятелей, которые говорили о самопожертвовании и о государственной необходимости соглашения...”

Чтобы покончить с трениями, колебаниями и создать обстановку, при которой дальнейшая работа была бы возможна, генерал Деникин предложил компромиссное решение: военная власть должна была перейти к генералу Корнилову; гражданская власть и внешние сношения – к генералу Алексееву; все вопросы, связанные с управлением Донской областью, – к генералу Каледину.

Схема Деникина была одобрена и принята. Таким образом, на первых порах белого движения образовался триумvirат, представлявший из себя, как говорил Антон Иванович, “в эмбриональном состоянии” первое противобольшевистское правительство.

В день Рождества 1917 года генерал Корнилов вступил в командование Добровольческой армией.¹²

В конце 1917 г. Каледину удалось занять большую часть Донбасса, где он разгромил Советы и ввел военное положение. 2 (15) декабря казаки и офицерские части взяли Ростов. Эмигрант Лехович писал: «Однако Ростов не оправдал расчетов Корнилова. Его многочисленное рабочее население враждебно встретило корниловские части. А буржуазия не откликнулась на призыв посылать в армию пополнение. Откликнулись только дети!»¹³

Увы, так будет везде. Народ не желал идти под знамена белых генералов. Основной контингент Добрармии – бывшие офицеры царской армии, экзальтированные юнкера и гимназисты. Из низших классов добровольно к белым шли отдельные группы казаков, рыбаков астраханской дельты и т. п., которые из-за каких-то своих проблем поссорились с советской властью, и теперь их единственным убежищем стала Добрармия.

Для ликвидации калединского гособразования большевики стягивали части со всей Европейской России.

25 декабря 1917 г. (7 января 1918 г.) советские войска начали наступление от Горловки (отряд Р.Ф. Сиверса), Луганска (отряд Ю.В. Саблина), на миллеровском направлении (отряд Г.К. Петрова), от станции Тихорецкая (отряды А.И. Автономова). 28 января (10 февраля)

¹² Лехович Д.В. Указ. соч. С. 155—156.

¹³ Там же. С. 159.

советские войска (группировка Сиверса) заняли Таганрог и продолжили с боями наступление на Ростов.

Большинство казаков (всего войско Донское к октябрю 1917 г. насчитывало 1,5 млн человек) не поддержали Каледина. 29 января (11 февраля) 1918 г. Каледин собрал «донское правительство» и предложил сложить полномочия. В тот же день атаман Каледин застрелился. Генералы Алексеев и Корнилов с офицерскими частями оставили Дон и начали отход на Кубань.

Первый кубанский поход длился 80 дней. Пройдя за это время расстояние в 1200 км, добровольцы, покинув Ростов 9 февраля, 30 апреля вернулись обратно на Дон в станицы Мечетинскую и Егорлыкскую. Длинной петлей они обогнули степную равнину Кубанской области, проникнув даже в горные аулы Северного Кавказа. В ходе похода добровольцы похоронили на Кубани до четырех сотен своих бойцов и вывезли более полутора тысяч раненых. Однако за счет пополнения армии кубанскими казаками ее численность достигла 5 тыс. человек. Первый кубанский поход фактически был рейдом крупного партизанского отряда по тылам противника.

31 марта (13 апреля) 1918 г. добровольцы попытались взять Екатеринодар (с 1920 г. Краснодар) и были разбиты, а сам Корнилов убит. Генерал Алексеев был ранен, и командование Доброймией принял А.И. Деникин. Добровольцы отступили на Дон, у них оставалось только четыре 76мм пушки.

Между тем полковник М.Г. Дроздовский еще в декабре 1917 г. собрал на Румынском фронте около тысячи офицеров. 11 марта 1918 г. отряд Дроздовского выступил из Ясс и с боями прошел через Каховку, Мелитополь, Бердянск, Мариуполь и Таганрог. 5 мая он вышел на Дон и соединился с войсками Деникина.

Глава 4

Межу курултаем и гетманшафтом

Итак, Гражданская война набирает обороты, а где же наш славный барон? Он с семьей греется пол ласковым солнцем Крыма. «Еще с первых дней смуты сюда бежало из Петербурга, Москвы и Киева громадное число семейств. Люди в большинстве случаев богатые и независимые, не связанные со службой или покинувшие ее и в большинстве случаев чуждые политической жизни, они внесли с собой в Крым особую атмосферу, столь далекую от политической борьбы и тревожных переживаний большинства крупных центров России. В окрестностях Ялты проживала после переворота и большая часть Членов Императорской Семьи: престарелая императрица Мария Федоровна с дочерьми Великими Княгинями Ксенией Александровной и Ольгой Александровной, Великие Князья Николай Николаевич, Петр Николаевич, Александр Михайлович с Семьями. В самой Ялте, Алушке, Симеизе и Гурзуфе жил целый ряд лиц петербургского общества, – старых наших знакомых. Все часто виделись между собой. Многие старались перенести сюда привычный уклад петербургской жизни».¹⁴

Крым встретил Февральскую революцию как-то скучно, рутинно, во всяком случае, без каких-либо эксцессов.

Первый звонок к анархии в Крыму прозвучал 25 марта, когда в Симферополе в торжественной обстановке открылся съезд мусульман Крыма. На съезде был создан Крымский мусульманский исполнительный комитет (КМИК), в состав которого вошли Челеби Челебиев (избран также комиссаром духовного правления и Таврическим муфтием), Джафар Сайдамет, А. Озенбашлы, С. Меметов и другие, в основном члены национальных татарских партий крайне левого, и к тому же сепаратистского, направления.

18 мая 1917 г. КМИК и организованный в его составе военный комитет, возглавляемый подполковником 32го запасного пехотного полка Алиевым, постановил создать из солдат – крымских татар отдельные воинские части и перевести в Крым запасной эскадрон Крымского конного полка, подчинив его КМИКу.

38я запасная пехотная бригада, состоявшая из 32го, 33го и 34го полков, бригадной школы прапорщиков, находившейся в Симферополе, 35го полка, расквартированного в Феодосии и ряда других более мелких подразделений, насчитывала более 20 тысяч солдат-запасников из Таврической губернии и Украины. Крымские татары составляли в этой бригаде довольно большой процент.

Уже в июне 1917 г. на кораблях Черноморского флота начались случаи открытого неповиновения командирам. Так, на эсминце «Жаркий» в начале июня команда отказалась выполнять приказы командира Г.М. Веселого. А комиссия ЦИК предложила миноносцу «Жаркий»... «прекратить кампанию», то есть встать на прикол в Севастополе и более не участвовать в боевых действиях.

5—6 июня в Севастополе революционные матросы произвели аресты нескольких десятков офицеров. А затем было решено обыскать и обезоружить всех офицеров Черноморского флота.

Желая избежать кровопролития, адмирал Колчак издал приказ, немедленно переданный по радиотелеграфу: «Считаю постановление делегатского собрания об отобрании оружия у офицеров позорящим команду, офицеров, флот и меня. Считаю, что ни я один, ни офицеры ничем не вызвали подозрений в своей искренности и существовании тех или иных

¹⁴ Врангель П.Н. Записки. С. 231.

интересов, помимо русской военной силы. Призываю офицеров во избежание возможных эксцессов, добровольно подчиниться требованиям команд и отдать им все оружие».

В 17 часов того же дня, 6 июня, члены судового комитета флагманского броненосца «Георгий Победоносец», пришли в адмиральскую каюту и потребовали от Колчака сдать оружие. Тот выставил депутатов из своей каюты, затем вышел на палубу и выбросил за борт свою Георгиевскую саблю с надписью «За храбрость», полученную за оборону Порт-Артура.

В тот же вечер начальник штаба Черноморского флота адмирал М.И. Смирнов телеграфировал в Петроград Временному правительству о произошедших событиях. Ночью он получил ответную телеграмму, подписанную премьером князем Львовым и военным министром Керенским. В телеграмме приказывалось Колчаку и Смирнову немедленно выехать в Петроград для личного доклада. Временное командование флотом возлагалось на адмирала В.К. Лукина. В телеграмме также содержался строжайший приказ возвратить оружие офицерам.

Черноморский флот практически стал небоеспособен. 7 июля команда крейсера «Память Меркурия» отказалась выполнять приказ командования, а 29 июля то же произошло на эсминце «Поспешный». Да и на кораблях, участвовавших в боевых действиях, дисциплина стала понятием относительным.

27 июля миноносец «Гневный» возвратился в Севастополь с захваченной турецкой лайбой, груженной маслинами, орехами и табаком. Команда отказалась сдать груз в распоряжение Севастопольского Совета и сама распродала его прямо на площади Нахимова.

18 июля Временное правительство назначило на должность командующего Черноморским флотом Александра Васильевича Немитца с производством его в контр-адмиралы. Сам Немитц вспоминал: «Адмирал А.В. Колчак, уезжая с заданием Временного правительства в Америку, указал на меня, как своего заместителя в Черном море. Поставив меня в известность о таком предложении, А.Ф. Керенский пригласил проехать с ним в Ставку верховного главнокомандующего... Я в беседе с А.Ф. Керенским интересовался только одним вопросом, могут ли быть приняты правительственные меры для ограждения дисциплины в частях. Ответ на этот вопрос был равносильен ответу на вопрос, “существует или нет власть Временного правительства?”»

В июле 1917 г. большинство татар из 38й бригады вышли из повиновения командования. Они заняли под казармы Татарскую учительскую школу и ряд других зданий в Симферополе. Татарские подразделения демонстративно маршировали по городу. Любопытно, что Керенский сообщил по телефону Крымскому мусульманскому военному комитету, что он ничего не имеет против формирования татарских частей.

26 ноября 1917 г. татары собрали курултай, который объявил себя учредительным собранием Крыма и даже сформировал Национальное правительство, более известное под именем Директории (не путать с украинской Директорией).

Татарское правительство возглавил Ч. Челебиев, а директором по военным и внешним делам стал Джафер Сайдамет. 21—22 декабря все части Крымской конной бригады и полк «Уриет», согласно приказу Крымского штаба № 6, в торжественной обстановке были приведены к присяге «на защиту основных законов Курултая».

У татар не было командующего войсками, который был бы военным специалистом и имел хоть какой-то политический вес. Посему они предложили принять начальство над татарским воинством... барону П.Н. Врангелю. Собственно, ничего удивительного в этом не было. Объявил же себя его бывший сослуживец поддесаул немецкий барон Унгерн монгольским ханом, наследником Чингисхана, так почему бы генерал-майору фон Врангелю не стать наследником Гиреев?

История оказалась довольно скандальная, и Врангель в «Записках» выворачивается, как может: «По примеру Дона и Украины перед лицом надвигающейся красной волны решили соорганизоваться в лице “Курултая” и крымские татары». Это в марте-то 1917 года в Крыму надвигалась «красная волна»?!

«Вновь сформированное татарское правительство носило коалиционный характер, хотя преобладала “демократическая политика”, ярким представителем которой был председатель правительства и военный министр Сайдамет, по примеру господина Керенского также из адвокатов. Сайдамета, кроме демократических элементов, выдвигала еще и туркофильская группа. В распоряжении правительства имелась и горсточка вооруженной силы: занимавший гарнизоны Симферополя, Бахчисарая и Ялты Крымский драгунский полк, укомплектованный крымскими татарами, несколько офицерских рот, кажется, две полевые батареи. Гарнизон Севастополя и Севастопольская артиллерия были уже в явно большевистском настроении. В Симферополе, местопребывании Курултая, был спешно сформирован и штаб армии, начальником которого состоял генерального штаба полковник Макуха. Совершенно для меня неожиданно я получил в Ялте телеграмму за подписью последнего, сообщаящего мне, что крымское правительство предлагает мне должность командующего войсками. Для переговоров мне предлагалось прибыть в Симферополь. В тот же день в Крыму была объявлена всеобщая мобилизация, долженствующая, по расчетам штаба, позволить в кратчайший срок сформировать целый корпус и развернуть кавалерию в бригаду. Я решил приехать в Симферополь и на месте выяснить обстановку, прежде чем дать какой-либо ответ на сделанное мне предложение.

В Симферополе, столице Крыма, застал я оживление необычайное: шла регистрация офицеров, какие-то совещания, непрерывно заседали разные комиссии. Начальник штаба полковник Макуха произвел на меня впечатление скромного и дельного офицера. Поглощенный всецело технической работой, он, видимо, был далек от политики. Последняя оказалась окрашенной типичной керенщиной: предполагая опереться на армию, штатский крымский главоверх, так же как и коллега его в Петербурге, мыслил иметь армию демократизованную с соответствующими комитетами и комиссарами. С первых же слов моего свидания с Сайдаметом я убедился, что нам не по пути, о чем откровенно ему и сказал, заявив, что при этих условиях я принять предлагаемую мне должность не могу. Сайдамет учел, по-видимому, бесполезность меня уговаривать и лишь просил до отъезда не отказать присутствовать на имеющем быть вечером в штабе совещании. На этом совещании должен был быть рассматриваемым предложенный генерального штаба полковником Достоваловым план захвата Севастопольской крепости. Меня по этому вопросу просили дать заключение. Если бы я еще доселе и колебался в своем отказе принять командование над войсками крымского правительства, то после этого совещания все сомнения мои должны были исчезнуть. Хотя предложенный и разработанный полковником Достоваловым план и был всеми присутствовавшими на совещании военными лицами, в том числе и мною, и начальником штаба полковником Макухой, признан совершенно неосуществимым, тем не менее “военный министр”, выслушав присутствовавших, заявил, что соглашается с полковником Достоваловым и предложил начальнику штаба отдать немедленно распоряжение для приведения предложенного полковником Достоваловым плана в исполнение. На утро я выехал в Ялту».

Какая прелесть! Русский генерал-майор обсуждал вопрос о поступлении на службу курултаю, целью которого было создание независимого татарского государства! Барон обсуждал план захвата татарами Севастополя. Да вот беда, то ли план плох оказался, то ли в цене не сошлись, в общем, уехал Врангель в Ялту. Но вопрос, на какое утро? Тут дата крайне важна, а барон запомнил.

Татарские отряды 23 декабря вошли в Евпаторию и после короткой перестрелки разоружили находившиеся там части, в том числе Киевскую школу летчиков-наблюдателей, школу стрельбы по воздушному флоту и 1ю Украинскую казачью батарею.

Воодушевленные легким успехом в Евпатории, татары двинулись на Севастополь. Через два часа после разоружения семисот матросов. Татарские части – 2й конный полк и две роты полка «Уриэт» – перешли границу Севастопольского крепостного района у села Дуванкой и попытались захватить Камышловский железнодорожный мост. Мост охраняла дружина рабочих Севморзавода. Вскоре на помощь к ним из города пришел отряд красногвардейцев. Совместными усилиями им удалось отбить атаку татар.

10 января татары выбили отряд матросов из имения графа Мордвинова. Матросы отошли за реку Качу, а затем, после часовой перестрелки, погрузились в железнодорожный эшелон и ушли в Севастополь.

В Севастополе большевики и анархисты поняли, что надо экстренно спасать ситуацию. Срочно был создан Военно-революционный штаб и сформированы десантные отряды из моряков. Присутствие кораблей Черноморского флота решило все дело.

31 января гидрокрейсер «Румыния»¹⁵, а также вооруженные транспорты «Трувор», «Данай» и «Геркулес» вышли с десантом из Севастополя в Евпаторию. Десанту матросов без особого труда удалось выбить татар из Евпатории.

Кроме Евпатории, матросы Черноморского флота высадились в Ялте и Феодосии. Особенно упорные бои шли в районе Ялты, где войска курултая были поддержаны боевиками мусульманской организации «Тан». Руководил татарами полковник Е.И. Достовалов. Ялта два раза переходила из рук в руки. Окончательно большевики захватили ее лишь 15 января, а переодевшийся в штатское Достовалов бежал в Симферополь.

13 января моряки штурмом овладели Бахчисараем и двинулись к Симферополю. Войска курултая начали разбегаться. При подходе красных к Симферополю на татарские части напали учебная команда 33го запасного полка и боевая дружина завода «Анатра». В тот же день город был взят почти без боя.

Итак, перед нами загадка, в какое утро Врангель вышел из татарской авантюры?

«8го января утром по городу распространились слухи, что ночью произошло столкновение между двумя эскадронами Крымских драгун, расположенных в Ливадийском дворце, и местной красной гвардией, что крымцы отошли в горы, и власть в городе захвачена советами. Около полудня, от имени советов, появились прокламации, указывающие на то, что отныне единственной властью в городе является местный совет, и требующие немедленной сдачи обывателями всякого оружия. Под вечер прибыло в город судно, и высадившиеся матросы, руководимые членами местного совета, приступили к повальным обыскам.

Эти обыски не миновали и нас. Часов в десять вечера к нам на дачу на Нижне-Массандровской улице явились человек шесть матросов, обвешанные пулеметными лентами и гранатами, предъявили какой-то мандат и требование допустить их для производства обыска в квартиру. Я отдал приказание их впустить и предоставить полную свободу, наблюдая лишь за тем, чтобы, воспользовавшись обыском, представители “революционного народа” чего-либо не стянули. Все имевшееся у нас оружие еще с утра было надежно спрятано в подвале и на чердаке.

Около девяти часов 10 января я проснулся от оружейной стрельбы. От прислуги узнал, что ночью спустились с гор Крымские драгуны, что западная часть города ими занята, что на рассвете из Севастополя прибыли два миноносца, которые и обстреливают город. Одевшись, я вышел на балкон вместе с гостившим у нас братом жены. В городе слышалась силь-

¹⁵ Гидрокрейсер «Румыния» (база гидросамолетов) – бывший румынский пароход водоизмещением 4500 т. Скорость 16 уз. Вооружение: четыре 152/45мм и одна 75/50-мм пушки.

ная ружейная стрельба, часто рвались шрапнели, обстреливалась, главным образом, центральная часть города. От снарядов значительно пострадали некоторые здания. Два снаряда попали в соседний с нашей дачей дом, а несколько осколков упало у нас в саду.

Около полудня мне пришли доложить, что отряд матросов находится в саду, и посты выставлены у входа в усадьбу. Я прошел в сад и увидел человек пятнадцать матросов и вооруженных штатских, столпившихся у балкона.

– Кто здесь старший? – спросил я.

Вышел какойто матрос.

– Вот, заявляю вам, что я генерал, а это, – указал я на моего шурина, – тоже офицер – ротмистр. Знайте, что мы не скрываемся.

О нашем присутствии матросы, видимо, уже знали.

– Это хорошо, – сказал назвавший себя старшим, – мы никого не трогаем, кроме тех, кто воюет с нами.

– Мы только с татарами воюем, – сказал другой. – Матушка Екатерина еще Крым к России присоединила, а они теперь отлагаются...»

Как видим, революционный матрос оказался большим государственным, чем наш барон – будущий борец «за единую и неделимую»!

Позже Врангель был арестован, а затем отпущен Ялтинским советом, по версии «Записок», по просьбе жены. В конце февраля 1918 г. семья Врангелей переехала в поселок Кореиз – подальше от Ялтинского совета. Как-то утром у церкви барон и баронесса фон Врангель увидели благостную картину – по шоссе к Севастополю тянулись длинные колонны германских войск.

«Надо отдать справедливость немцам, они вели себя чрезвычайно корректно, стараясь, видимо, сделать присутствие свое для обывателей наименее ощутимым. С их приходом были отменены все стеснительные ограничения, введенные большевиками, – карточная система, закрытие текущих счетов и проч., но обязательное получение пропусков для выезда и въезда в Крым осталось в силе.

Немецкая комендатура оказывала всяческое содействие к восстановлению в правах тех владельцев имущества или квартир, кои были захвачены большевиками. Некоторые из местных большевиков, не успевшие эвакуироваться, были по жалобам потерпевших арестованы и заключены в тюрьму немецкими властями. С другой стороны, замешкавшимся в Крыму более видным большевистским деятелям немцы, несомненно, сами дали возможность беспрепятственно убраться восвояси.

На следующий день по занятии Кореиза представители немецкого командования посетили Великого Князя Николая Николаевича в имении “Дюльбер”, где находились все Члены Императорской Семьи. Великий Князь Николай Николаевич через состоящего при Нем генерала барона Сталя передал прибывшим, что, если они желают видеть Его, как военнопленного, то Он, конечно, готов этому подчиниться; если же их приезд есть простой визит, то Он не находит возможным их принять. Приехавшие держали себя чрезвычайно вежливо, заявили, что вполне понимают то чувство, которое руководит Великим Князем, и просили указать им, не могут ли быть чем-нибудь полезны. Они заявили, что Великий Князь будет в полной безопасности и что немецкое командование примет меры к надежной Его охране. Барон Сталь, по поручению Великого Князя, передал, что Великий Князь ни в чем не нуждается и просит немецкую охрану не ставить, предпочитая охрану русскую, которую немцы и разрешили сформировать.

Понемногу улеглись тревожения последних дней, и на пасхальной неделе заметно было давно не виданное в Крыму оживление. Все прятавшиеся по своим дачам, воспользовавшись хорошими весенними днями, повысыпали на пляж, ездили в город и стали собираться друг у друга...

С приходом немцев снова стали появляться газеты, главным образом киевские. Переворот на Украине и образование гетманства были для нас полной неожиданностью.

Генерала Скоропадского я знал исключительно близко. Мы провели службу в одной бригаде – я в Конной Гвардии, он – в Кавалергардском полку, где долго был полковым адъютантом. Во время японской войны мы служили вместе во 2й Забайкальской казачьей дивизии. В 1911 году, прокомандовав недолго Финляндским драгунским полком, он был назначен командиром Конной гвардии и с полком вместе вышел на войну. Последовательно он командовал нашей бригадой, а затем 1й гвардейской кавалерийской дивизией. Во время Августовских боев, осенью 1914 года, я в течение месяца исполнял должность начальника штаба Сводной дивизии, которой командовал генерал Скоропадский».

И вот «великий патриот России» отправляется к старому другу. Не удалось сделать карьеру при курултае, почему бы не выдвинуться в гетманшафте?

А что происходило в те дни на «незалежной» Украине? Еще 19 апреля 1917 г. собрался в Киеве учредительный конгресс. Членов его никто не выбирал, а так – кто хотел, тот и поехал. Онакая компания объявила себя представителями всей Украины и избрала руководство страны, названное Центральной Радой. Президентом утвердили профессора Михайло Грушевского. В свое время профессор успешно сотрудничал с австро-венгерской разведкой, а позже будет не менее успешно сотрудничать со всеми украинскими властями и в конце концов станет совслужащим.

После переговоров с Центральной Радой глава Временного правительства Керенский согласился, чтобы Рада управляла пятью губерниями – Киевской, Полтавской, Подольской, Волынской и Черниговской.

Однако ни Временное правительство в Петрограде, ни Центральная Рада не имели реальной поддержки ни у народа, ни у армии. Даже отъявленный самостийник Орест Субтельный вынужден признать: «Центральная Рада с головой погрузилась в бесконечные дискуссии о границах своих полномочий, пренебрегая при этом такими более прозаическими, но куда более насущными проблемами, как укрепление законности и порядка, обеспечение снабжения городов и работа железных дорог. Она также оказалась неспособной решить наболевшую проблему передела земли. Как следствие, первоначальное единство, продемонстрированное украинцами ранее, быстро распалось. Обострились политико-идеологические противоречия между социал-демократами, составлявшими в Центральной Раде большинство, и многочисленными социалистами-революционерами. Погрязнув в бесплодных дебатах и раздорах, члены Центральной Рады, власть которой фактически уже ограничивалась окрестностями Киева и нескольких крупных городов, утратили связь с селом, а значит и с массами, связь, достигнутую на короткий срок благодаря различным съездам, проходившим в Киеве. Губернии были предоставлены самим себе».¹⁶

27 января (9 февраля) 1918 г. Германия и Австро-Венгрия подписали с правительством Центральной Рады мирный договор. От имени Рады подпись поставил какой-то студент Севрук.

Согласно этому договору, Центральная Рада обязалась поставить Германии и Австро-Венгрии до 31 июля 1918 г. 60 млн пудов хлеба, 3 млн пудов живого веса рогатого скота, 400 млн штук яиц, сотни тысяч пудов сала, масла, сахара и других продуктов.

Германские войска двинулись к Киеву, а австрийские – к Одессе. Мониторы и канонерские лодки австрийской Дунайской флотилии пришли в Одессу и попытались подняться вверх по Днепру, но не сумели пройти пороги.

16 февраля (1 марта) первый батальон саксонской пехоты появился на киевском вокзале. Давняя мечта австрийских и германских политиков осуществилась:

¹⁶ Субтельный О. Украина. История. Киев: Либідь, 1994. С. 440.

*Од Києва до Берліна
Простяглася Україна.*

В Киеве обосновалась главная квартира германского командования во главе с генерал-фельдмаршалом Германом фон Эйхгорном.

Красные части на Украине не могли противостоять германо-австрийским частям. Мало того, Советская Россия по рукам и ногам была связана Брестским миром и не могла открыто вести боевые действия на Украине. Поэтому местные левые с согласия Москвы создали ряд полунезависимых республик: Донецко-Криворожскую Советскую республику (ДКСР), Одесскую Советскую республику, Таврическую Советскую республику и Донскую Советскую республику.

К лету 1918 г. германо-австрийские интервенты оккупировали Украину, Крым, Донскую область, часть Таманского полуострова, часть Воронежской и Курской губерний. На востоке оккупационная зона ограничивалась линией Батайск – Дон – Северный Донец – Дёгтево – Осиновка – Новобелая – Валуйки – Грушевка – Белгород – Суджа – Рыльск. В «сферу влияния» Австро-Венгрии (по соглашению от 29 марта 1918 г. между Берлином и Веной) входили часть Волынской, Подольская, Херсонская и Екатеринославская губернии. (Управление и эксплуатация угольных и горнорудных районов здесь были совместными.) Николаев, Мариуполь и Ростов-на-Дону занимали смешанные части (германское командование в Николаеве и Ростове-на-Дону, австро-венгерское – в Мариуполе). Остальные губернии Украины, Крыма, а также Таганрог оккупировали германские войска. Железнодорожный и водный транспорт на всей оккупированной территории ставился под контроль германского командования.

Вскоре германские оккупационные власти решили заменить Центральную Раду более эффективным «туземным» правительством. Нашелся и повод. Руководство Рады организовало похищение с целью выкупа киевского миллионера, банкира Абрама Доброго. В ночь с 24 на 25 апреля два офицера украинской армии и трое штатских похитили банкира. Позже выяснилось, что похищением руководил некто Осипов – чиновник особых поручений украинского Министерства внутренних дел, личный секретарь начальника политического департамента Гаевского. Банкира запихнули в автомобиль, привезли на вокзал и притащили к вагону, стоявшему на запасных путях под охраной сечевых стрельцов. Потом этот вагон прицепили к обычному пассажирскому поезду, шедшему в Харьков. Осипов, не скрывая, кто он, предложил решить проблему всего за 100 тысяч: «Есть одно лицо, которое за деньги может ликвидировать всю эту историю. Но придется после уплаты немедленно покинуть пределы Украины».

Увы, деятели из Рады оказались дилетантами в сложной науке рэкета. Они оставили на свободе жену Доброго. Та немедленно обратилась в германскую комендатуру. Немцы среагировали мгновенно. Возможно, тут роль сыграло и сотрудничество Доброго в годы войны с германской разведкой, ведь Абрам через Персию сбывал украинский сахар в Германию. А тут я предоставлю слово украинскому историку Олесю Бузине: «28 апреля 1918 г. в зал киевского Педагогического музея, где заседала Центральная рада, вошел красивый, как Бог, немецкий лейтенант (все офицеры кайзеровской армии были писанные красавцы) и на чистом русском языке, слегка запинаясь, скомандовал: “Именем германского правительства приказываю вам всем поднять руки вверх!”»

Неожиданно выяснилось, что депутаты “першого українського парламента” прекрасно понимают по-русски. Особенно когда команды на этом языке отдает немецкий офицер. В полном составе рада послушно подняла руки. Получилось что-то вроде финальной сцены из гоголевского “Ревизора” – все молчали...

Зал заседания постепенно заполняли солдаты. Слышались крики “Хальт!” и грохот прикладов. По паркету глухо стучали кованые сапоги. Вошли еще двое офицеров – один

из них, видимо, старший в чине от того, который говорил по-русски. Шум стих. В воцарившейся тишине снова раздался голос немецкого лейтенанта: “Вы все скоро разойдетесь по домам. Нам нужно только арестовать господ Ткаченко (министр внутренних дел), Любинского (министр иностранных дел), Жуковского (военный министр), Гаевского (директор департамента Министерства внутренних дел) и Ковалевского (министр земельных дел). Покажите мне их, пожалуйста”. Последняя фраза была адресована председательствующему: “Я их не вижу”, – ответил Грушевский. Действительно, в зале были только Любинский и Гаевский. Их тут же вывели.

Остальные остались сидеть с поднятыми руками. Старший в чине офицер что-то сказал по-немецки младшему. Тот перевел: “У кого есть револьверы, отдайте сейчас, потому что кто не отдаст, будет строго наказан. После у всех будет ревизия”. “Я протестую против ревизии парламента!” – взмолился Грушевский. “Будьте спокойны, пожалуйста!” – осадил его лейтенант.

Происходящее чертовски напоминало сцену из американского боевика, когда полиция накрывает банду чикагских гангстеров. Двое или трое из депутатов встали с мест и положили свои “шпалеры” на стол возле лейтенанта. Только после этого депутатскому “хору” разрешили опустить руки. По одному, как нашкодивших котов, немцы стали выпускать членов Центральной рады в соседнюю секретарскую комнату, предварительно требуя назвать имя и домашний адрес. А потом, обыскав, переписав и пересчитав всех, выпустили на улицу – “вольно”, как утверждал корреспондент киевской газеты “Народная воля”, чей номер выйдет через два дня после описываемых событий, 30 апреля.

Было примерно пять вечера. Вся процедура заняла полтора часа.¹⁷

Так произошел разгон Центральной Рады.

Генерал-фельдмаршал Эйхгорн решил дать Украине... гетмана. Кстати, это слово было вполне понятно и немцам, поскольку происходило от германского слова гауптман (Hauptmann) – начальник. На должность гауптмана Эйхгорн предложил генерал-лейтенанта Павла Петровича Скоропадского. Тот происходил по прямой линии от Василия Ильича Скоропадского, родного брата бездетного гетмана Левобережья Ивана Ильича Скоропадского (1708—1722). Павел Петрович владел богатейшими имениями в Полтавской и Черниговской губерниях. Кроме всего прочего, он был еще и масоном высокого градуса и ранее пребывал в тех же ложах, что и Грушевский, и Петлюра.

Избрание гауптмана, пардон, гетмана, состоялось 29 апреля 1918 г. в цирке Крутикова на Николаевской улице в Киеве. Режиссером представления был тот же Эйхгорн. В цирке были собраны «хлеборобы-собственники». Несколько «хлеборобов» выступило с речами, требуя спасти Украину от хаоса, а сделать это может только гаупт..., то есть гетман. И тут в одной из лож цирка появился одетый казаком Скоропадский. «Хлеборобы» дружно «прокричали его гетманом».

Началась эпоха новой гетманщины, или, как шутили киевляне, «гетманшафт». Сам гетман поселился в доме киевского генерал-губернатора. Любопытная деталь: под кабинетом гетмана на втором этаже находилось помещение германского караула. Так что Павел Петрович Скоропадский сидел на германских штыках не только в переносном, но и в прямом смысле.

Скоропадский немедленно «сменил вывеску на лавочке». Ему как-то неудобно было быть гетманом «Украинской Народной Республики», и название это было заменено на «Украинскую державу». Срочно была набрана сердючная дивизия для охраны особы гетмана, дивизия генерала Патнева (в Харькове), 1-я пехотная дивизия, сформированная

¹⁷ Бузина О. Тайная история Украины-Руси. Киев: Довіра, 2007. С. 306—306.

австрийцами из военнопленных во Владимире-Волинском, а также несколько «охранных» и пограничных сотен. Кроме того, гетман начал формировать и отряды из белых офицеров.

И к этому гетману на службу попросился наш барон. «В Киев я прибыл вечером. На следующее утро я позвонил во дворец гетмана справиться, когда Скоропадский сможет меня принять. Мне ответили, что гетман просит меня к завтраку. Скоропадский помещался в бывшем доме генерал-губернатора на Институтской улице. Вход охранялся караулом офицерской роты. Первый этаж был занят канцелярией, верхний занимался гетманом. В приемной мне бросился в глаза какой-то полковник с бритой головой и клоком волос на макушке, отрекомендовавшийся полковым писарем “Остригач-Полтавец”. Он говорил исключительно на “украинской мове”, хотя и был кадровым русским офицером. Дежурным адъютантом оказался штабс-ротмистр Кочубей, бывший кавалергард. Мы разговорились. Он рассказал мне о перевороте, о той, будто бы бескорыстной, помощи, которую оказывают Украине немцы, о популярности Скоропадского. По его словам, в самом непродолжительном времени будет сформирована большая армия, средства на которую обещали немцы».

Врангель пишет складно: приехал, завтракал с гетманом. Но ведь барон вроде воевал с Германией? Ни правительства Ленина, ни Брестского мира он не признавал. А теперь он хочет вступить в армию, контролируемую и оплачиваемую немцами. Замечу, что руководство Доброй армии считало себя в состоянии войны с Германией.

Самое забавное, что в «Записках» несколькими абзацами ниже Врангель обличает своего сослуживца генерала Одинцова: «И вы находите возможным работать заодно с германским шпионом Троцким».

Как у нас любят навешивать ярлыки на политических противников! Врангель и Сталин хором утверждают, что Троцкий – германский шпион. Но сам-то барон, клянчащий чин у гауптмана Скоропадского, кто?

Но и с гетманом Врангелю договориться не удалось. Я несколько раз перечитал «Записки» барона, но внятного ответа на сей вопрос не нашел.

Из Киева Врангель поехал в район Бобруйска, где у него было большое поместье. В начале августа 1918 г. Врангель вернулся в Киев. Барон вновь несколько раз завтракал с гетманом Скоропадским. «Я узнал, что проживавший в Киеве генерал А.М. Драгомиров собирается ехать на Дон и Кавказ и в тот же день зашел к нему. Наш разговор решил мою участь. Генерал Драгомиров передал мне, что он только что получил письмо от генерала Алексева. Генерал Алексеев получил предложение объединить русские противобольшевистские силы на сибирском фронте, ему обещана широкая поддержка союзных держав. Генерал Алексеев приглашал генерала Драгомирова ехать с ним, и последний через несколько дней выезжал в Екатеринодар. Он звал меня с собой, но мне необходимо было заехать к семье в Крым, и мы решили встретиться в Екатеринодаре.

Через пять дней я был уже в Ялте, а через пятнадцать, вместе с женой, решившей разделить мою судьбу, выехал пароходом в Ростов».

Глава 5

Врангель вступает в Добрармию

В августе 1918 г. в Крыму при немцах было относительно спокойно. Ходили поезда и пароходы. Врангель с женой и детьми сели в Ялте на пассажирский рейсовый пароход «Принц Альбер» и отправились в Ростов.

В Ростове семейство Врангелей пробыло три дня и, «сделав необходимые покупки», отправилось на поезде в Екатеринодар. Как видим, переезд из зоны, оккупированной немцами, на территорию, контролируемую Добрармией, происходил легко и без каких-либо помех, хотя Добрармия, как я уже говорил, формально находилась в состоянии войны с Германией.

«В отличие от Киева и Ростова, Екатеринодар носил отпечаток прифронтового города. На улицах, в гостиницах и ресторанах мелькали военные формы. В войсковом собрании, куда мы прямо с вокзала поехали завтракать, я встретил много знакомых. С трудом получив через коменданта города комнату и условившись по телефону с генералом Драгомировым вечером быть у него, я утром зашел в штаб армии.

Начальника штаба генерала Романовского и и. д. генерал-квартирмейстера полковника Сальникова я не знал, но в числе офицеров штаба оказалось несколько моих старых знакомых, между прочим исполнявший должность старшего адъютанта штаба 1й гвардейской кавалерийской дивизии, в бытность мою в ее составе, полковник Апрелев, старый сослуживец мой по гвардии. Теперь он занимал должность начальника связи. В составе разведывательного отделения оказался бывший офицер моей 7о кавалерийской дивизии поручик Асмолов. Асмолов и Апрелев участвовали в борьбе Добровольческой армии с самого начала и оба принимали участие в так называемом “Ледяном походе”. От Апрелева я узнал, что генерал Корнилов еще в Ростове делал попытки разыскать меня и дважды писал мне в Петербург, зовя в армию. Ни одно из этих писем до меня не дошло.

Ко времени моего приезда в Екатеринодар в боевом составе армии числилось около 35 000 штыков и шашек при 80 орудиях. Списочный состав был во много раз больше, – большое число офицеров и солдат осело в тылу и многочисленных штабах и канцеляриях. Штаб верховного руководителя генерала Алексеева, канцелярия помощника его по гражданской части генерала Драгомирова (предполагавшийся отъезд генерала Алексеева в Сибирь не состоялся, и генералу Драгомирову по приезде в Екатеринодар была предложена эта должность), штаб командующего армией генерала Деникина, с многочисленными отделами были переполнены офицерами. Большое число офицеров, особенно старших начальников, числились в резерве командующего армией (армия состояла из: 1й пехотной дивизии (генерал Казанович), 2й пехотной (генерал Боровский), 3й пехотной (полковник Дроздовский), 1й Конной (генерал Эрдели), 1й Кубанской казачьей (генерал Покровский), 2й Кубанской казачьей (полковник Улагай), Отдельной кубанской казачьей бригады (полковник Шкуро) и Пластунской бригады (генерал Гейман)), ожидая отправки на фронт.

В середине августа вся западная часть Кубанской области и север Черноморской губернии были освобождены от большевиков. Новороссийск, Екатеринодар и Ставрополь были в наших руках. Преодолевая сопротивление во много раз сильнейшего противника, наши части продолжали двигаться вперед: на правом фланге, в горах Черноморья работали пластуны генерала Геймана; 1ая Кубанская казачья дивизия генерала Покровского, вела бои в районе Майкопа, удерживавшегося большевиками; в районе станицы Петропавловской действовала 1ая Конная дивизия; 3я пехотная дивизия полковника Дроздовского наступала на город Армавир, упорно оборонявшийся красными; в районе Невинномысской сражалась

2ая пехотная дивизия генерала Боровского, имея на левом фланге в Баталпашинском отделе партизан полковника Шкуро. К северо-востоку от Ставрополя, прикрывая тыл 2й пехотной дивизии, действовала 2я Кубанская казачья дивизия полковника Улагая¹⁸. В резерве Главнокомандующего находилась 1я пехотная дивизия генерала Казановича. Состав войск был сборный – частью добровольцы, частью мобилизованные. Конница, за исключением двух конных полков, приданных пехотным дивизиям, состояла исключительно из казаков-кубанцев и черкесов.

В пехоте, артиллерии и технических войсках было исключительно большое число офицеров. Был ряд чисто офицерских частей.

Большинство старших начальников были мне неизвестны. Я близко знал лишь генерала Эрдели. Полковника Дроздовского, приведшего свои части с Румынского фронта, я знал лишь по академии генерального штаба, курс которой он проходил одновременно со мной. Генерала Покровского, произведенного в этот чин Постановлением Кубанского правительства, я знал по работе его в Петербурге, в офицерской организации, возглавляемой графом Паленом. В то время он состоял на службе в авиационных войсках в чине штабс-капитана. Незаурядного ума, выдающейся энергии, огромной силы воли и большого честолюбия, он в то же время был мало разборчив в средствах, склонен к авантюре. Наконец, полковника Шкуро я знал по работе его в Лесистых Карпатах во главе “партизанского отряда”. Это был период увлечения ставки партизанщиной. Партизанские отряды, формируемые за счет кавалерийских и казачьих полков, действовали на фронте как-то автономно, подчиняясь непосредственно штабу походного атамана. За немногими исключениями туда шли главным образом худшие элементы офицерства, тяготившиеся почему-либо службой в родных частях. Отряд есаула Шкуро во главе со своим начальником, действуя в районе XVIII корпуса, в состав которого входила и моя Уссурийская дивизия, большей частью болтался в тылу, пьянствовал и грабил и, наконец, по настоянию командира корпуса генерала Крымова, был с участка корпуса отозван. Генералов Боровского, Казановича и Геймана я совсем не знал.

Снабжение армии было чисто случайное, главным образом за счет противника. Снабжение огнестрельными припасами частью производилось с помощью Дона, в обмен на некоторые необходимые Дону продукты. Технические средства почти отсутствовали, в медикаментах также ощущался крайний недостаток. Довольствие производилось исключительно за счет населения.

Силы противника исчислялись в 80 000 штыков и шашек при 100 орудиях. Располагая огромными запасами наших бывших армий, противник был несравненно сильнее и технически, однако неумелое руководство и отсутствие дисциплины сводили на нет это превосходство.

Вечером я посетил генерала Драгомирова. Он откровенно признался мне, что весьма тяготится чуждым ему родом деятельности; по его словам, он согласился принять должность помощника генерала Алексеева по гражданской части лишь ввиду усиленных настояний последнего и не имея возможности приложить свои силы на близко знакомом ему чисто военном деле. Он предложил мне на следующий день явиться к генералу Алексееву и к генералу Деникину. Однако первый по нездоровью не мог меня принять.

Генерал Деникин принял меня в присутствии начальника своего штаба генерала Романовского. Среднего роста, плотный, несколько расположенный к полноте, с небольшой бородкой и длинными черными с значительной проседью усами, грубоватым низким голосом, генерал Деникин производил впечатление вдумчивого, твердого, кряжистого, чисто

¹⁸ Улагай Сергей Георгиевич родился в 1875 г. в семье офицера. С 12 ноября 1918 г. генерал-майор. С 1919 г. генерал-лейтенант. Умер 20 марта 1947 г. в Марселе.

русского человека. Он имел репутацию честного солдата, храброго, способного и обладавшего большой военной эрудицией начальника. Его имя стало особенно популярным со времени нашей смуты, когда сперва в должности начальника штаба верховного главнокомандующего, а затем главнокомандующего юго-западного фронта, он независимо, смело и твердо подымал голос свой на защиту чести и достоинства родной армии и русского офицерства.

До приезда моего в Добровольческую армию я почти не знал генерала Деникина. Во время Японской войны он недолго служил в корпусе генерала Ренненкампа и я встречал его несколько раз; в минувшую войну я мельком видел его в Могилеве. Командующий армией напомнил мне о нашем знакомстве в Маньчжурии, сказал, что слышал обо мне не раз от генерала Корнилова:

– Ну как же мы вас используем. Не знаю, что вам и предложить, войск ведь у нас не много...

– Как вам известно, ваше превосходительство, я в 1917 году командовал кавалерийским корпусом, но еще в 1914 году я был эскадронным командиром и с той поры не настолько устарел, чтобы вновь не стать во главе эскадрона.

– Ну уж и эскадрона... Бригадиром согласны?

– Слушаю, ваше превосходительство.

– Ну, так зайдите потом к Ивану Павловичу, – сказал генерал Деникин, указывая на начальника штаба, – он вам все расскажет.

Я оставил генералу Романовскому мой адрес, и он на другой день утром вызвал меня к себе. Он передал мне предложение командующего армией вступить во временное командование 1й конной дивизией. Начальник этой дивизии генерал Эрдели получил специальную командировку в Грузию и его отсутствие могло продолжаться значительное время. Между тем его заместитель, командир одной из бригад дивизии, генерал Афросимов, оказался не на должной высоте. Генерал Романовский дал мне понять, что генерал Эрдели по возвращении получит, вероятно, другое назначение и явится возможность окончательно оставить дивизию за мной».

29 августа Врангель выехал по Владикавказской железной дороге к дивизии, действовавшей в районе Майкопа.

«Дивизия вела наступление на станицу Петропавловскую, откуда накануне наши части были вытеснены красными. Наскоро напившись чаю, мы рысью проехали вперед. Вскоре мы заметили маячившую вдали лаву. Это оказались части Уманского казачьего полка. Красные, теснимые с фронта 1й бригадой и обойденные с фланга уманцами, отходили. Поздоровавшись с уманцами, я проехал далее по фронту и вскоре встретил 1й Екатеринодарский казачий полк. Полк этот входил в состав сводного корпуса, которым я командовал в Галиции. Среди офицеров и казаков оказалось несколько старых моих сослуживцев. К вечеру мы прибыли в станицу Темиргоевскую и наспех пообедав, я с начальником штаба дивизии, старым сослуживцем моим по гвардии, бывшим лейб-драгуном, полковником Баумгартеном, засел знакомиться с делами.

1я конная дивизия состояла из Корниловского конного полка, укомплектованного казаками разных отделов: 1го Уманского и 1го Запорожского из казаков Ейского отдела; 1го Екатеринодарского из казаков Екатеринодарского отдела; 1го Линейного из казаков лабинцев и 2го Черкесского, пополняемого черкесами заречных аулов Лабинского отдела. В дивизию входила 1я и 2я конно-горная и 3я горная батареи. Все три батареи имели почти исключительно офицерский состав. При дивизии имелся и пластунский батальон весьма слабого состава. Технические средства в дивизии почти отсутствовали. Ни телефонов, ни телеграфов не было, но имелась радиостанция. Снабжение огнестрельными припасами, как и во всей Добровольческой армии, производилось исключительно за счет противника. Во время господства большевиков большинство оружия и патронов в станицах были запрятаны казаками

и при освобождении той или иной станицы казаки являлись в части, в большинстве случаев, вооруженными и с некоторым запасом патронов. Изредка штаб армии присылал добытые с Дона снаряды и патроны. При дивизии имелась небольшая санитарная летучка с доктором и несколькими сестрами, однако почти без всяких средств. Лекарств почти не было, перевязочный материал отсутствовал, бинты заготавливались из подручного материала...

25го сентября после тяжелой болезни в Екатеринодаре умер верховный руководитель Добровольческой армии генерал Алексеев. С ним закончилась яркая страница героической борьбы русских патриотов. Его имя останется в нашей истории наравне с именами лучших русских людей.

Со смертью генерала Алексеева должность верховного руководителя упразднилась, а генерал Деникин принял звание главнокомандующего Добровольческой армии, помощником его по гражданской части оставался генерал Драгомилов, помощником по военной части был назначен генерал Лукомский».

Не могу удержаться и не привести эпизод из боевых действий Добрармии, описанных Врангелем.

1 октября 1918 г. Станица Михайловская. Врангель посещает храмовый праздник. Вот он входит в церковь. «Старики черкесы обратились ко мне с просьбой вести далее на бой их сынов, или же просили отпустить в родные аулы. При этом они свидетельствовали, что по первому зову готовы все до одного встать рядом со своими сынами. Я отпустил их, благодарая за службу, и выдал им несколько десятков захваченных нами пленных, с тем, чтобы их судил аульный суд. Едва я отошел, направляясь с бригадой в станицу Константиновскую, как черкесы, набросившись на пленных, тут же на глазах обывателей всех перерезали».

Ну а после такого-то наши интеллигенты-образованцы будут рассказывать нам сказочки о «белом рыцаре»? Спору нет, обе стороны совершали жестокости, излишние даже для Гражданской войны. Но одна сторона воевала, чтобы построить великое государство, пусть деспотичное, но с равенством всех граждан. И они действительно создали мощнейшую в военном и экономическом отношении державу. «Сталин принял страну с деревянной сохой, а оставил ее с атомной бомбой». Это сказал не я, а главный антикоммунист XX века Уинстон Черчилль.

Что же касается вождей Белого движения, то они, будучи ярыми монархистами, о чем сами признавались в мемуарах, обманывали армию и народ лозунгами непредрежденности. Мол, побьем большевиков и тогда всем миром решим, что делать.

В конце августа и в начале ноября генерал Деникин произнес две речи, в которых он высказал «общие основания добровольческой политики».

26 августа, при первом посещении Ставрополя, Деникин говорил: «Добровольческая армия, совершая свой крестный путь, желает опираться на все государственно мыслящие круги населения. Она не может стать орудием какой-либо политической партии или общественной организации. Тогда она не была бы русской государственной армией. Отсюда – недовольствие нетерпимых и политическая борьба вокруг имени армии. Но, если в рядах армии и живут определенные тенденции, она не станет никогда палачом чужой мысли и совести. Она прямо и честно говорит: будьте вы правыми, будьте вы левыми, – но любите нашу истерзанную родину и помогите нам спасти ее. Добровольческая армия чужда социальной и классовой борьбы. В той тяжелой болезненной обстановке, в которой мы живем, когда от России остались лишь лоскутья, не время решать социальные проблемы. И не могут части русской державы строить русскую жизнь каждая по-своему. Поэтому те чины Добровольческой армии, на которых судьба возложила тяжелое бремя управления, отнюдь не будут ломать основное законодательство. Их роль – создать лишь такую обстановку, в которой можно было сносно, терпимо жить и дышать до тех пор, пока всероссийские законода-

тельные учреждения, представляющие разум и совесть народа русского, не направят жизнь по новому руслу – к свету и правде».¹⁹

В другой речи декларативного характера, которую Деникин произнес 1 ноября, в день открытия Кубанской рады в Екатеринодаре, он призывал к единению, говорил о том, что интересы Кубани требуют тесного взаимодействия с Добровольческой армией, ставшей единственной преградой от нашествия большевиков с севера. Он указывал на необходимость в условиях жесткой борьбы иметь единую армию с единым командованием. Он заявлял, что его армия, «ведя борьбу за самое бытие России, не преследует никаких реакционных целей и не предрешает формы будущего образа правления, ни даже тех путей, какими русский народ объявит свою волю». Он также заявлял, что «Добровольческая армия признает необходимость и теперь, и в будущем самой широкой автономии составных частей русского государства и крайне бережного отношения к вековому укладу казачьего быта».²⁰

Итак, государственная форма правления, государственные границы, земельный вопрос, реституция собственности, перешедшей к иным владельцам, – все это, равно как и многое другое, оставлялось на потом. Кто будет решать эти вопросы? Какая-нибудь «Учредилка» или просто победители-генералы своими декретами?

При всей своей политической безграмотности крестьяне прекрасно понимали, что генералы заставят их вернуть помещичьи земли и захваченное в усадьбах имущество. В пропагандистском и идейном отношении белые напрочь проиграли красным в самом начале Гражданской войны.

¹⁹ Цит. по: *Лехович Д.В.* Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. С. 210.

²⁰ Там же. С. 210—211.

Глава 6

Что несла России Добрармия?

В музее Политической истории России в Петербурге во дворце Кшесинской экспонируется агитационный плакат Добровольческой армии, изображающий линию фронта. Слева – жиденькая цепь бойцов, одетых в лохмотья и подгоняемых в бой нагайками евреев-комиссаров. Позади их – разрушенные дома и заводы с плакатами «Рабство», «Голодная смерть», «Насилие». А сверху языки пламени обрамляют демоническую физиономию еврея – то ли Льва Давыдовича, то ли символа еврейства. Еврей протягивает когтистые руки к русской земле.

А вот справа, как на параде, идут плечом к плечу фирменно одетые добровольцы. Позади их подводы с радостными поселянами, привезшими хлеб белым рыцарям. Дымят трубы заводов, на них плакаты «Труд», «Законность», «Порядок». На заднем плане – церковь, идут поезда, плывут пароходы.

Ну а в качестве подписи к плакату процитирую самого Врангеля:

«В станице Курганной я застал грабивших лавки и отбиравших у иногороднего населения лошадей казаков дивизии генерала Покровского. К моему негодованию во главе грабителей оказалось несколько офицеров. Я приказал их привести к себе и предупредил, что ежели через час они окажутся еще в расположении моей дивизии, то я предам их тут же военно-полевому суду и расстреляю как мародеров. Через полчаса ни одного казака в станице уже не оказалось. Я телеграфировал генералу Покровскому о действиях его людей».

Тут я чего-то вспомнил и речь пьяного матроса из стихотворения Максимилиана Волошина «Большевик»: «Буржуй здесь мой, и никому чужим их резать не позволю».

Опять предоставлю слово нашему герою:

«К сожалению, как мне пришлось впоследствии убедиться, генерал Покровский не только не препятствовал, но отчасти сам поощрял дурные инстинкты своих подчиненных. Среди его частей выработался взгляд на настоящую борьбу не как на освободительную, а как на средство наживы. Конечно, трудно, почти невозможно было искоренить в казаках, дочиства ограбленных и разоренных красными, желание отобрать награбленное добро и вернуть все потерянное. Почти все солдаты красной армии имели при себе значительные суммы денег, в обозах красных войск можно было найти все, начиная от мыла, табака, спичек и кончая собольими шубами, хрустальной посудой, пианино и граммофонами. В этот первый период Гражданской войны, где одна сторона дралась за свое существование, а в рядах другой было исключительно все то мутное, что всплыло на поверхность в период разложения старой армии, где страсти с обеих сторон еще не успели утихнуть и озлобление достигало крайних пределов, о соблюдении законов войны думать не приходилось. Красные безжалостно расстреливали наших пленных, добивали раненых, брали заложников, насиловали, грабили и жгли станицы. Наши части со своей стороны, имея неприятеля и сперебри и сзади, будучи ежедневно свидетелями безжалостной жестокости врага, не давали противнику пощады. Пленных не брали. Живя исключительно местными средствами, имея недостаток во всем и не получая казенных отпусков, части невольно смотрели на военную добычу, как на собственное добро. Бороться с этим, повторяю, в первый период было почти невозможно. Я старался лишь не допустить произвола и возможно правильное распределить между частями военную добычу».

Но, может быть, Врангель сгущал краски, пытаясь дискредитировать своего главкома Деникина?

Вот одно из писем Деникина, отправленное им генералу Май-Маевскому, впоследствии попало в руки большевиков и было опубликовано. В нем Деникин обрушивался на командующего Добровольческой армией: «Происходят грандиозные грабежи отбитого у большевиков государственного имущества, частного достояния мирного населения; грабят отдельные воинские чины, небольшие шайки, грабят целые воинские части, нередко при попустительстве и даже с соизволения лиц командного состава. Разграблено и увезено или продано на десятки миллионов рублей самого разнообразного имущества начиная с интендантских вещевых складов и кончая дамским бельем. Расхищены кожевенные заводы, продовольственные и мануфактурные склады, десятки тысяч пудов угля, кокса, железа. На железнодорожных контрольных пунктах задерживаются (представителями деникинской власти) отправляемые под видом воинских грузов вагоны с громадным количеством сахара, чая, стеклом, канцелярскими принадлежностями, косметикой, мануфактурой. Задерживаются отправляемые домой захваченные у неприятеля лошади...»²¹

Письмо это было написано 10 сентября, но Май-Маевский был удален с должности всего лишь 23 ноября.

Имущество, захваченное у неприятеля и полученное самоснабжением, скрывалось местными воинскими частями от главного интендантского управления. «Армии, – писал Деникин, – скрывали запасы от центрального органа снабжения, корпуса от армии, дивизии от корпусов, полки от дивизий... Военная добыча стала для некоторых снизу – одним из двигателей, а для других сверху – одним из демагогических способов привести в движение иногда инертную, колеблющуюся массу».²²

Донская армия в этом отношении не уступала Добровольческой. Она перевозила на Дон даже заводские станки, не говоря уже о нашествии в свое время рейде генерала Мамонтова, прорвавшегося с отборным отрядом донской конницы в глубокий тыл противника. Возвращаясь из этого рейда, Мамонтов телеграфировал в Новочеркасск: «Посылаю привет. Везем родным и друзьям богатые подарки; донской казне – 60 миллионов рублей; на украшение церквей – дорогие иконы и церковную утварь»²³, и эта телеграмма, по выражению Деникина, «воистину прозвучала похоронным звоном».

Деникин издавал законы о самых суровых наказаниях за грабежи, вплоть до смертной казни. По наиболее вопиющим случаям массовых грабежей создавались следственные комиссии. Военачальники также издавали грозные указы против грабежей, которые разлагали армию. Но все эти приказы и законы разбивались о стену глухого сопротивления казаков и офицеров. Деникин прекрасно понимал, что нужно «рубить с голов», а не «бить по хвостам». Однако к этому времени печать и молва возвеличили удачливых и смелых, но поощряющих грабежи военачальников, таких, как Шкуро, Мамонтов, Покровский, до народных героев, дав им тем самым «служебный иммунитет».²⁴

²¹ Цит. по: Лехович Д.В. Указ соч. С. 234.

²² Там же. С. 235.

²³ Там же.

²⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Париж, 1922. Т. IV. С. 95.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.